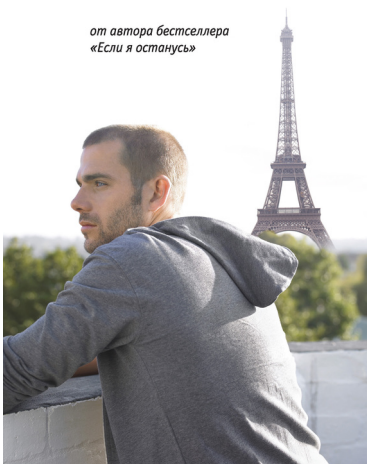

гейл форман

ТОЛЬКО ОДИН ГОД

от автора бестселлера
«Если я останусь»

Гейл Форман
Только один год
Серия «Всего один день», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8739045
Гейл Форман. *Только один год*: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76608-6
Оригинал: Gayle Forman, "Just One Year"
Перевод:
Юлия Леонидовна Федорова

Аннотация

История любви Уиллема и Эллисон тронула читателей во всем мире – книга «Всего один день» разошлась огромными тиражами. Герои провели вместе лишь один день, а потом расстались по трагической случайности. У них не было ни малейшего шанса найти друг друга – ни адресами, ни телефонами они обменяться не успели. Но оба были уверены, что должны быть вместе. Ведь чтобы это понять, совсем необязательно нужно время – достаточно одного дня.

«Только один год» – история Уиллема. Он снова стал играть в театре и понял, что быть актером – его призвание. Он познакомился с новыми людьми и много путешествовал. Но ни интересная работа, ни новые знакомства, ни перемена мест не позволяли ему забыть девушку, с которой он провел день. Ведь судьбу не обманешь. А она, похоже, развела их с Эллисон только для того, чтобы проверить их чувства...

Содержание

Часть первая	5
Один	5
Два	11
Три	15
Четыре	17
Пять	20
Шесть	24
Семь	26
Восемь	30
Девять	32
Десять	36
Одиннадцать	38
Двенадцать	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Гейл Форман

Только один год

Посвящается Марджерии, Тамаре и Либбе

Взвейся ввысь, язык огня!¹

*Дома мне было гораздо лучше. Но, как известно,
путешественники обязаны восхищаться всем, что видят.²
Из пьесы Уильяма Шекспира «Как вам это понравится»*

Copyright © 2013 by Gayle Forman

© Федорова Ю., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

«Сложность характера Уиллема и извилистый путь, который он проходит, посетив Нидерланды, Мексику и Индию, создают увлекательнейшую историю, выходящую за рамки обычного романа».
Publishers Weekly

«Если в романе «Всего один день» читатели следовали за Эллисон, пытавшейся понять, что случилось с Уиллемом, то теперь черед Уиллема рассказать свою историю. Начав там, где закончился предыдущий роман, и зная совсем немного о девушке, он отправляется на поиски, которые приведут его к неожиданным открытиям. Прочитав эти книги, вы обязательно захотите третью».
Booklist

Часть первая Один год

Один Август Париж

Мне часто снится один и тот же сон: я лечу в самолете высоко над облаками. Он начинает снижаться, а меня охватывает паника от внезапного понимания, что я оказался не на том самолете и лечу не туда. Я в таких снах никогда не знаю, где мы сейчас приземлимся – в центре военных действий, в зоне какой-нибудь эпидемии или вообще в другом веке, – понимаю только, что не там, где надо. Иногда я пытаюсь спросить, куда мы летим, у человека в соседнем кресле, но не вижу лица, не слышу ответа. От звука опускающихся шасси я просыпаюсь – в поту, дезориентированный, сердце бешено колотится. На то, чтобы понять, где я (в чьей-то квартире в Праге, в хостеле в Каире), обычно уходит несколько секунд, но когда я это вспоминаю, ощущение потерянности возвращается.

Кажется, я и сейчас нахожусь в этом сне. Как и всегда, я приподнимаю шторку, чтобы посмотреть на облака. Чувствуется, как накрываются моторы, как самолет тянет вниз, в ушах появляется давление, в сердце – страх. Я поворачиваюсь к безликому соседу – но в этот раз это не какой-нибудь незнакомец. Мы летим вместе. От этого мне становится легче. Не могли же мы оба сесть не в тот самолет.

– Ты знаешь, куда мы летим? – спрашиваю я, пододвигаясь. И вот сейчас я увижу лицо, услышу ответ, узнаю, куда же я лечу...

Но тут раздается вой сирен.

* * *

Впервые я обратил на них внимание в Дубровнике. Я тогда путешествовал с парнем, с которым познакомился в Албании, и вдруг завывла сирена, прямо как в американском боевике. Он сказал, что в каждой стране у них свой звук. «Штука полезная – если забудешь, где ты, можно закрыть глаза, и сирена тебе напомнит». Я к тому времени путешествовал уже год, и мне потребовалось несколько минут, чтобы вспомнить, как они звучат на родине. У нас их рев похож на музыку, вверх-вниз, ла-ла-ла-ла, словно кто-то напевает, рассеянно, но радостно.

Сейчас сирена звучит иначе, монотонно. Мее-мее, мее-мее, словно блеянье электрической овцы. По мере приближения или удаления звук не становится громче или тише; нет, это непрерывная стена воя. И как я ни стараюсь, я все равно не понимаю, где нахожусь.

Знаю только, что не дома.

Я открываю глаза. Все залито ярким светом, он падает сверху. Мои глаза горят: многочисленные крошечные взрывы, похожие на уколы булавок, вызывают адскую боль. Я закрываю их.

Кай. Парня, с которым мы летели из Тираны в Дубровник, звали Каем. Мы пили с ним хорватское пиво на городском валу, а потом, хохоча, ссали в Адриатическое море. Его звали Каем. Он был финном.

Сирена все ревет. Я все еще не понял, где я.

* * *

Вой прекращается. Слышно, как открывается дверь, в меня брызгают водой, двигают. Кажется, что глаза лучше не открывать. Вряд ли я хочу хоть что-то из этого видеть.

Но меня заставляют это сделать, в глаза снова бьет свет – яркий, и от него так же больно, как тогда, когда я слишком долго смотрел на солнце во время затмения. Саба говорил мне, что не надо так делать, но иногда оторваться просто невозможно. Потом у меня несколько часов болела голова. Мигрень от затмения. Так в новостях говорили. Она возникает у многих, кто долго смотрел на солнце. Это я тоже знаю. Не знаю только, где нахожусь.

Теперь до меня доносятся какие-то голоса, как эхо из тоннеля. Я их слышу, но разобрать, что говорят, не могу.

– Comment vous appelez-vous? – спрашивает кто-то на неродном мне языке, но я его почему-то понимаю. «Как вас зовут?»

– Вы можете сказать, как вас зовут? – повторяют на другом языке, тоже на чужом.

– Уиллем де Рюйтер, – это уже мой голос. И мое имя.

– Хорошо, – отвечает мужчина. Он опять начинает говорить на другом языке. На французском. Говорит, что собственное имя я назвал верно, интересно, откуда он это знает. На миг возникает чувство, что это Брам, но, хоть у меня в голове все спуталось, я понимаю, что это невозможно. Брам французский язык так и не выучил.

* * *

– Уиллем, мы сейчас вас посадим.

Спинка кровати – кажется, я в кровати – едет вперед. Снова пробую открыть глаза. Все плывет, но я вижу яркий свет, обшарпанные стены, металлический стол.

– Уиллем, вы в больнице, – сообщает мужчина.

Да, это до меня и самого уже начало доходить. Это также объясняет, почему у меня майка в крови, хотя наличие самой майки не объясняет – она не моя. Какая-то серая, с красными буквами «SOS». Что это означает? Чья это майка? Чья на ней кровь?

Я осматриваюсь. Вижу мужчину – врача? – в халате, рядом с ним медсестра, она протягивает мне ледяной компресс. Я касаюсь своей щеки. Она распухла и горит. На пальцах теперь тоже кровь. Ответ на один вопрос есть.

– Вы в Париже, – добавляет врач, – вы помните, где это?

Я ем таджин³ с Яэль и Брамом, пускаю по кругу шляпу после выступления на Монмартре с акробатами из Германии. Я весь потный, мы с Селин колбасимся на выступлении «Моллиер зен Молли» в «Диван дю Мوند».⁴ Я бегу, несусь по рынку Барбеса, держа за руку какую-то девочку.

Кто она?

– Во Франции, – едва бормочу я. Язык меня не слушается и напоминает шерстяной носок.

– Вы помните, что произошло? – спрашивает врач.

Я слышу топот ботинок и чувствую привкус крови; во рту ее скопилось прилично. Не зная, что с этим еще можно поделать, сглатываю.

³ Блюдо из мяса и овощей, популярное в странах Магриба.

⁴ Le divan du monde – бывший театр, а сегодня – концертная площадка в Париже, неподалеку от площади Пигаль.

– Похоже, вы стали участником драки, – продолжает доктор. – Вам надо будет заявить в полицию. Но сначала мы наложим вам швы на лицо, а еще необходимо сделать томограмму головного мозга, чтобы убедиться, что у вас не образовалась субдуральная гематома. Вы здесь отдыхаете?

Черные волосы. Нежное дыхание. Гнетущее чувство, что я где-то забыл что-то ценное. Я похлопываю по карману.

– А мои вещи? – спрашиваю я.

– Ваш рюкзак нашли на месте происшествия, из него все высыпалось, но паспорт остался. Как и кошелек.

Он подает мне бумажник. Там не меньше сотни евро, хотя, по моим воспоминаниям, должно быть намного больше. Удостоверения личности нет.

– Мы также обнаружили это. – Он показывает мне маленькую черную книжку. – Денег в кошельке осталось прилично, да? Значит, на ограбление не похоже, разве что вы при нападении сопротивлялись. – Он хмуро смотрит на меня, кажется, считая подобный вариант глупостью.

Сопrotивлялся ли я? Голова как в тумане, похоже на дымку, которая поднимается от каналов по утрам, я всегда смотрел на нее и хотел сжечь. Мне постоянно было холодно. Яэль объясняла это тем, что я хоть и похож внешне на голландца, но во мне течет ее средиземноморская кровь. Это я помню, и то, как кутался в колючее шерстяное одеяло, чтобы согреться. Теперь я знаю, где нахожусь, но я все еще не знаю, почему. В Париже меня быть не должно. Я собирался в Голландию. Может, поэтому я так по-дурацки себя чувствую.

Гори, сгорай, повелеваю я туману. Но он такой же упрямый, как и у нас, в Голландии. Или, может, моя сила воли так же слаба, как зимнее солнце. Как бы то ни было, он не сгорит.

– Знаете, какое сегодня число? – спрашивает врач.

Я пытаюсь сосредоточиться на числах, но они плывут, как листья по канаве; в этом ничего необычного. Я помню, что обычно не знаю даты. Да мне и не нужно. Я качаю головой.

– А месяц?

Augustus. Août.⁵ Нет, надо по-английски.

– Август.

– День недели?

Donderdag,⁶ говорит кто-то в голове. Четверг.

– Четверг? – неуверенно отвечаю я.

– Пятница, – поправляет врач, и гнетущее чувство усиливается. Может, в пятницу я должен был где-то быть.

Раздается звонок интеркома. Доктор берет трубку, с минуту разговаривает, потом кладет ее и поворачивается ко мне.

– Рентген можно будет сделать через тридцать минут. – Он начинает рассказывать о commotions cérébrales, сотрясении мозга и кратковременной потере памяти, компьютерной томографии и сканировании мозга, но я из этого практически ничего не понимаю.

– Позвонить кому-нибудь? – спрашивает он. Я чувствую, что надо, но совершенно не могу сообразить, кому. Брама нет, Сабы нет, да, вероятно, и Яэль уже тоже. Кто у меня еще остался?

Меня настигает волна тошноты, внезапно, словно со спины. И вот моя кровавая майка теперь еще и заблевана. Медсестра быстро схватила лоток, но не успела. Она подает мне полотенце. Врач рассказывает что-то о взаимосвязи сотрясения мозга и тошноты. К глазам подступили слезы. Я так и не научился блевать, чтобы не плакать.

⁵ Август на голландском и французском языках.

⁶ Четверг (голл.).

Сестра другим полотенцем вытирает мое лицо.

– Ой, упустила пятнышко, – говорит она, нежно улыбаясь. – Вон, на часах.

На запястье у меня блестящие золотые часы. Не мои. На миг появляется видение, что они на руке у девушки. Мой взгляд поднимается по тонкой руке до сильного плеча, за ним идет лебединая шея. Я готов к тому, что лица не увижу, как во сне. Но нет.

У нее темные волосы. Светлая кожа. Теплый взгляд.

Я снова смотрю на часы. Стекло треснуло, но они еще тикают. Показывают девять. Я начинаю подозревать, что именно я забыл.

Я пытаюсь сесть. Мир превращается в кашу.

Доктор берет меня за плечо и укладывает обратно.

– Вы волнуетесь, потому что у вас помутилось сознание, но это временно. Нам необходимо сделать томограмму, убедиться, что кровоизлияния в мозг нет. А пока мы ждем, можно заняться вашим лицом, у вас тут рваная рана. Сначала нужно сделать местную анестезию.

Сестра намазывает щеку чем-то оранжевым.

– Не волнуйтесь, пятен не останется.

Пятен не останется, просто жжет.

* * *

– Мне надо идти, – говорю я, когда швы наложены.

Врач смеется. На миг я вижу белую пыль на белой коже, но она теплее. Белая комната. В щеке пульсирует боль.

– Меня ждут, – не знаю кто, но знаю, что это так.

– Кто вас ждет? – спрашивает доктор.

– Не помню, – честно признаюсь я.

– Господин де Рюйтер. Вам необходимо пройти томографию. После чего мне хотелось бы понаблюдать за вами какое-то время, пока к вам не вернется ясность мыслей. Пока вы не будете знать, кто вас ждет.

Шея. Кожа. Губы. Нежная и сильная рука у меня на сердце. Я прижимаю ладонь к груди, к зеленой рубашке, которую мне дала медсестра, потому что мою окровавленную майку разрезали, чтобы проверить, не сломаны ли ребра. И вот оно имя, оно буквально здесь.

Пришли санитары, чтобы отвезти меня на другой этаж. Меня погрузили в металлический тоннель, в районе головы что-то сильно грохочет. Может, это благодаря шуму, но в тоннеле туман начинает сгорать. Солнца за ним не оказывается, лишь серое свинцовое небо и складывающаяся мозаика.

– Мне надо идти! Срочно! – ору я из тоннеля.

Тишина. Потом включается интерком.

– Пожалуйста, не двигайтесь, – приказывает мне по-французски бесплотный голос.

* * *

Меня отвозят на каталке обратно вниз, оставляют ждать. Уже больше двенадцати.

Я жду. Я вспоминаю больницы, вспоминаю, почему именно их ненавижу.

И жду. Я – адреналин в инертной среде: я – гоночная машина, застрявшая в пробке. Я достаю из кармана монетку и принимаюсь перекачивать ее по костяшкам пальцев, в детстве меня научил этому Саба. Фокус срабатывает. Я успокаиваюсь, и еще несколько недостающих кусочков пазла встает на свои места. Мы вместе приехали в Париж. Мы сейчас вместе в Париже. Я буквально чувствую, как ее нежная рука касается моего бока, когда мы едем на

велосипеде. Чувствую уже не настолько нежную руку, когда мы крепко прижимаем друг друга к себе. Прошлой ночью. В белой комнате.

Белая комната. Она в ней, ждет меня.

Я оглядываюсь. В больницах палаты далеко не белые, как думают люди. Они бежевые, серо-коричневые, розовато-лиловые: эти нейтральные тона призваны сглаживать сердечную боль. Я бы все отдал, чтобы оказаться сейчас в той действительно белой комнате.

Через какое-то время возвращается врач с улыбкой на лице.

– Хорошие новости! Субдурального кровотечения нет, только сотрясение. Как память?

– Лучше.

– Хорошо. Подождем полицейских. Они примут показания, после чего я отпущу вас к вашей подруге. Но не переутомляйтесь. Я напишу вам назначения по уходу на бланке, но только на французском. Может быть, кто-нибудь сможет вам перевести, или найдем английскую или голландскую версию в Сети.

– *Se ne sera pas nécessaire*,⁷ – говорю я.

– О, так вы говорите по-французски? – спрашивает он на этом же языке.

Я киваю.

– Воспоминания вернулись.

– Хорошо. Остальное тоже вспомните.

– Значит, можно идти?

– Вас кто-нибудь должен забрать! И надо составить заявление в полицию.

Полиция. На это несколько часов уйдет. Да мне и сказать им нечего. Я снова достаю монетку и начинаю перекачивать по костяшкам.

– Не надо полиции.

Врач наблюдает за прыгающей монеткой.

– У вас проблемы с законом? – интересуется он.

– Нет, дело не в этом. Мне надо кое-кого найти, – отвечаю я. Монетка со звоном падает на пол.

Доктор поднимает ее и подает мне.

– Кого найти?

Может, он спросил, даже не задумавшись; но мой израненный мозг машинально выдает ответ. Или, может, это потому, что туман начал подниматься, оставив за собой ужасную головную боль. Но имя оказывается у меня на языке, как будто я повторял его непрерывно.

– Лулу.

– Ах, Лулу. *Très bien*!⁸ – Врач хлопает в ладоши. – Давайте же позвоним этой Лулу. И она за вами приедет. Или мы сами привезем ее сюда.

Объяснять, что я не знаю, где она, слишком трудно. Я лишь помню, что она ждет меня в белой комнате, и ждет уже давно. У меня есть такое ужасное чувство, что проблема не только в том, что я попал в больницу, есть что-то еще.

– Мне надо идти, – не сдаюсь я. – Если я не пойду сейчас, потом может быть слишком поздно.

Доктор бросает взгляд на висящие на стене часы.

– Еще даже двух нет. Время не позднее.

– Лично я могу опоздать – могу. Как будто то, что должно случиться, еще не случилось.

Врач смотрит на меня целую минуту. Потом качает головой.

– Лучше подождать. Еще несколько часов, и к вам вернется память, тогда вы ее найдете.

⁷ В этом нет необходимости (*фр.*).

⁸ Прекрасно! (*фр.*).

– У меня нет нескольких часов!

Интересно, может ли он держать меня тут против моей воли. Интересно, есть ли у меня в этот момент хоть какая-то воля. Но нечто тянет меня вперед, сквозь дымку и боль.

– Мне надо идти, – настойчиво повторяю я. – Немедленно.

Врач вздыхает.

– D'accord.⁹ – Он подает мне кипу бумаг, говорит, что ближайшие два дня я должен отдыхать, ежедневно промывать рану. Нить, которой наложены швы, рассосется сама. Он вручает мне маленькую карточку. – Это визитка полицейского. Я скажу ему, что вы завтра с ним свяжетесь.

Я киваю.

– Вам есть, куда пойти? – спрашивает он.

В клуб к Селин. Я называю адрес. Станцию метро. Это легко вспоминается. Я и найти его могу.

– Хорошо. Идите в бухгалтерию, вас выпишут, и можете идти.

– Спасибо.

Врач дотрагивается до моего плеча, напоминая не перенапрягаться.

– Мне очень жаль, что вам пришлось пережить такое в Париже.

Я поворачиваюсь к нему. У него на груди висит бэйдж, у меня перед глазами плывет уже не так сильно, так что я могу прочесть его имя. Доктор Робине. И хотя я стал нормально видеть, день все равно кажется мутным, но меня заполняет такое чувство... Оно неявное – не то чтобы счастье, но некая уверенность, как будто ты ступил на землю после того, как долго был в море. Я понимаю, что кем бы ни была эта Лулу, между нами в Париже произошло нечто такое... как антоним несчастья.

⁹ Ладно (фр.).

Два

В бухгалтерии приходится заполнить несколько тысяч формуляров. Когда спрашивают адрес, возникает проблема. У меня нет адреса. Уже давно. Но меня отказываются отпускать, пока я его не назову. Поначалу я думал дать им координаты Марйолейн, нашего семейного юриста. Яэль попросила ее взять на себя важную почту, приходящую на ее имя, и, как я вспоминаю, с ней я должен был сегодня встретиться. Или завтра? Или теперь уже вчера? В Амстердаме. Но если к ней придет счет на оплату больничных услуг, Яэль сразу же об этом узнает, а с ней я объясняться не хочу. Но и оставлять все без объяснений не хочу, в случае, если она ничего и не спросит, что более вероятно.

– Можно, я дам адрес друга? – спрашиваю я.

– Мне все равно, хоть английской королевы, мне главное, чтобы было, куда счет отправить.

Могу дать адрес Брудье в Утрехте.

– Секундочку, – говорю я.

– Не спеши, mon chéri.¹⁰

Я опираюсь на стойку и начинаю рыться в записной книжке, пролистывая множество страниц с адресами людей, с которыми познакомился за последний год. Куча имен, которых я даже не помню, которые я забыл еще до того, как получил по голове. Есть, например, такая запись: «Не забывай про пещеры в Матале». Пещеры я помню, как и девушку, которая это написала, но забыл, почему должен хранить это в памяти.

Я отыскиваю адрес Роберта-Яна в самом начале записной книжки. Зачитываю его вслух, откладываю книжку, и вдруг она сама раскрывается на одной из последних страниц. Там какой-то незнакомый почерк, поначалу я думаю, что стал видеть совсем хреново, но потом понимаю, что написано просто не на английском или голландском, а на китайском.

На миг я оказываюсь уже не в больнице, а на лодке, с ней, она рисует в моей записной книжке. Я вспомнил. Она говорила по-китайски. И показала мне иероглиф. Я перелистываю страницу и вижу вот это:

Перевод не подписан, но я откуда-то знаю, что означает иероглиф.

Двойное счастье.

Я смотрю на значок в своей записной книжке. Потом вижу увеличенную версию на вывеске. Двойное счастье. Она там?

– Есть ли неподалеку китайский ресторан или магазин? – спрашиваю я.

Секретарь чешет голову карандашом и обращается к коллеге. Они начинают спорить, где лучше поесть.

– Нет, – объясняю я. – Есть не надо. Вот что я ищу, – и показываю им значок в записной книжке.

Они переглядываются.

– Китайский квартал? – спрашиваю я.

– В тринадцатом округе.

¹⁰ Дорогой (фр.).

– Это где?

– На Левом берегу.

– «Скорая» привезла бы меня оттуда сюда?

– Нет, конечно же.

– Есть еще один, поменьше, в Бельвиле, – говорит другая женщина.

– Это недалеко, в нескольких километрах отсюда, – добавляет первая и объясняет, как добраться до метро.

Я надеваю рюкзак и ухожу.

Но недалеко. Кажется, что он заполнен мокрым цементом. Когда два года назад я уезжал из Голландии, у меня было куда больше вещей. Но тот рюкзак украли, и больше такой огромный я брать не стал. Время шло, рюкзаки становились все меньше, потому что человеку вообще-то не так много нужно. Сейчас у меня лишь сменная одежда, несколько книг, кое-что из туалетных принадлежностей, но теперь уже кажется, что и этого чересчур много. Когда я спускаюсь в метро, рюкзак на каждой ступеньке бьет по спине, и боль пронзает ножом до самой глубины.

– Тебя побили, но не сломали, – сказал доктор Робине перед моим уходом. Я подумал, что это про мой дух, но оказалось, что про ребра.

Спустившись на платформу, я вынул из рюкзака все, кроме паспорта, кошелька, записной книжки и зубной щетки. Когда подойдет поезд, остальное я оставлю здесь. Вес теперь меньше, но мне не легче.

Китайский квартал в Бельвиле начинается сразу у метро. Я пытаюсь найти иероглиф, нарисованный в записной книжке, но вывесок здесь слишком много, и все эти неоновые рисунки не похожи на мягкие линии, которые она нарисовала на бумаге. Я спрашиваю, где найти двойное счастье. Я даже не знаю, что ищу – место, человека, еду, состояние души. Китайцы как будто пугаются меня, никто не отвечает. Я уже начинаю думать, что на самом деле говорю не по-французски, что мне это только кажется. Наконец один седой старик с резной тростью, пристально посмотрев на меня, отвечает.

– От двойного счастья ты очень далеко.

Я уже собираюсь спросить, что он хотел этим сказать, но тут замечаю собственное отражение в витрине магазина: под глазом набухший синяк, на повязке, закрывающей лицо, проступила кровь. И мне становится ясно, что он подразумевал не какое-то конкретное место.

Вдруг я замечаю знакомые буквы. Не иероглиф «двойное счастье», а «SOS» с той таинственной майки, в которой я очутился в больнице. Сейчас я вижу такую же на парне моего возраста с прокезом и многочисленными металлическими браслетами на запястье. Может, он имеет какое-то отношение к двойному счастью.

Я из последних сил нагоняю его. Хлопаю его по плечу, он оборачивается и делает шаг назад. Я показываю на майку, собираясь спросить, что это означает, но тут он сам обращается ко мне на французском.

– Что с тобой произошло?

– Скинхеды, – отвечаю я на английском. Хотя это слово на всех языках звучит одинаково. И добавляю по-французски, что на мне тоже недавно была такая майка.

– А, – говорит он и кивает. – Расисты ненавидят «SOS». У них крайне антифашистские тексты.

Я киваю. Ко мне уже возвращается память о том, почему меня избили, и к майке это имеет мало отношения.

– Ты можешь мне помочь? – спрашиваю я.

– Тебе, мой друг, кажется, нужна медицинская помощь.

Я отрицательно качаю головой. Не это мне нужно.

- А чем помочь? – интересуется он.
- Тут где-то должно быть место с таким иероглифом.
- Что это?
- Двойное счастье.
- А что это такое?
- Я сам точно не знаю.
- Но что именно ты ищешь?
- Может, магазин. Ресторан. Или клуб. Не представляю, честно.
- Да ты, похоже, ни хрена не знаешь.
- Я знаю, что ни хрена не знаю. Это уже кое-что, – я показываю на огромную шишку на голове. – Мысли все спутались.

Он пристально смотрит на меня.

- Тебе бы к врачу обратиться.
- Уже обращался. – Я тыкаю пальцем в повязку, закрывающую швы на щеке.
- Тебе разве не нужно лежать?
- Потом. Когда найду. Двойное счастье.
- Да почему оно так важно?

Тут я вижу ее, не просто вижу, а ощущаю, чувствую ее нежное дыхание у меня на щеке, когда она прошептала мне что-то вчера ночью прямо перед тем, как я заснул. Я не расслышал. Помню только, что был счастлив. В той белой комнате.

– Лулу, – говорю я.

– А. Девушку. А я к своей иду. – Он достает телефон и набирает сообщение. – Но она может подождать; они постоянно ждут! – Парень дерзко ухмыляется, демонстрируя кривые зубы.

Это точно. Они действительно ждут. Даже когда я не думаю об этом, даже когда исчезаю надолго, девчонки, они ждут. Но мне всегда было плевать.

Мы принимаемся ходить туда-сюда по узким улочкам, в воздухе висит густой запах тушеной требухи. У меня такое ощущение, что мне приходится бежать, чтобы не отставать от этого парня, от такого напряжения у меня опять скручивает живот.

– Дружище, ты не особо хорошо выглядишь, – замечает он, когда меня рвет желчью в сточный желоб. – Точно не хочешь врачу показаться?

Я качаю головой, вытираю губы, глаза.

– Ладно. Может, я тебя к Тоши, своей подружке, отведу. Она работает в этом районе, вдруг она знает, где это двойное счастье.

Я иду за ним, все еще пытаюсь высмотреть двойное счастье, что теперь стало еще труднее, поскольку блевота попала в записную книжку, и иероглиф расплылся. К тому же перед глазами пляшут черные пятна, поэтому я даже тротуар едва вижу.

Когда мы, наконец, останавливаемся, я чуть не кричу от облегчения. Мы как раз нашли его – место с двойным счастьем. Все тут мне знакомо. Металлическая дверь, красные леса, искаженные портреты, даже выцветшая вывеска на фасаде здания – «Магазин перчаток», видимо, раньше он тут был. Это то самое место.

Дверь открывает Тоши, миниатюрная темнокожая девушка с дредами, и я готов обнять ее за то, что она впустила меня в белую комнату. Я хочу пойти прямо туда и лечь рядом с Лулу, чтобы все снова встало на свои места.

Я пытаюсь сказать об этом, но не могу. Я уже даже не способен переставлять ноги, потому что пол подо мной превратился в воду, в волны. Тоши и мой спаситель, которого, как оказывается, зовут Пьер, затеяли спор на французском. Она хочет вызвать полицию, а Пьер возражает, что надо помочь мне найти двойное счастье.

«Все нормально, – хочу сказать я. – Я его нашел. Оно тут». Но слова не идут.

– Лулу, – удается проговорить мне. – Она здесь?

В дверях собирается еще несколько человек.

– Лулу, – повторяю я, – я оставил ее тут.

– Тут? – спрашивает Пьер. Он поворачивается к Тоши, указывает на свою голову, потом на мою.

А я все твержу: Лулу, Лулу. Потом замолкаю, но имя все звучит, как эхо в пустом зале, словно мои мольбы разносятся по всему зданию и могут вернуть ее мне, где бы она ни была.

Толпа расступается, будто у меня действительно получилось и я вызвал ее своим заклинанием, вернул. Как будто в тот раз, когда мне хотелось, чтобы меня ждали, меня ждали.

Из толпы выходит девушка.

– Oui, Lulu, c'est moi,¹¹ – осторожно произносит она.

Но это не Лулу. Лулу была тонкая и гибкая, с черными волосами и такими же темными глазами, а передо мной стоит китайская куколка, да еще и блондинка. Она не Лулу. Но тут я вспоминаю, что Лулу – тоже не Лулу. Это я ее так назвал. Настоящего имени я не знаю.

Собравшиеся смотрят на меня пристально. Я слышу, словно со стороны, как я бормочу, что должен найти Лулу. Другую. Что я оставил ее в белой комнате.

Они с очень странными лицами смотрят на меня, Тоши достает мобильник. Я слышу, что она вызывает «Скорую». Через какое-то время до меня доходит, что для меня.

– Нет, – говорю я ей. – Я уже был в больнице.

– Хорошо, что мы с тобой до этого не встретились, – отвечает не та Лулу. – С тобой что-то случилось?

– Его избили скины, – сообщает Пьер.

Неправильная Лулу права. Случилось – я ее нашел. И снова случилось – я ее потерял. Надо отдать Вселенной должное – как она умеет подобные случайности компенсировать.

¹¹ Лулу – это я (фр.).

Три

Я еду на такси в клуб к Селин. На это уходят последние деньги, но мне плевать. Главное, чтобы хватило на дорогу в Амстердам, а билет у меня уже есть. Ехать недолго, я сижу сзади и клюю носом, и только когда мы подъезжаем к «Ля Руэль», я вспоминаю, что тут остался чемодан Лулу.

В баре темно и пусто, дверь не заперта. Я ковыляю в кабинет Селин. Там тоже темно, лишь серое излучение монитора освещает ее лицо. Заметив меня, она улыбается, как обычно, словно проснувшаяся львица, отдохнувшая, но голодная. Потом я включаю свет.

– Mon dieu!¹² – восклицает Селин. – Что она с тобой сделала?

– Она была здесь? Лулу?

Селин закатывает глаза.

– Да. Вчера. Вместе с тобой.

– А потом?

– Что у тебя с лицом?

– Где чемодан?

– В кладовой, где и поставили. Что с тобой произошло?

– Дай ключи.

Селин щурит глаза в очередном свойственном ей выражении лица, но все же открывает ящик и достает ключи. Я отпираю дверь кладовой, вижу там чемодан. Она за ним не возвращалась, я рад, значит, она еще должна быть здесь. Она в Париже и ищет меня.

Тут я вспоминаю, что сказала женщина из «Магазина перчаток», которая спустилась уже после того, как у меня в глазах все почернело, и Тоши снова начала угрожать, что вызовет «Скорую», но я упрямился и заказал вместо этого такси. Та женщина сказала, что утром, когда она открыла дверь, из нее вылетела девушка. «Я звала ее, просила вернуться, но она убежала», – рассказала она на французском.

Но Лулу по-французски не понимает и в Париже не ориентируется. Накануне она даже не знала, как добраться до вокзала. И до клуба тоже. Она не помнит, где искать чемодан. И не знает, где я – даже если бы хотела меня найти.

Я беру чемодан, осматриваю его в поисках багажной бирки, но ничего не нахожу, ни имени, ни рейса. Пробую открыть, но вижу замок. Он хлипкий, и, немного поколебавшись, я срываю его. То, что в чемодане, оказывается мне знакомо – не его содержимое, не одежда и сувениры, которых я раньше не видел, – а запах. Я беру аккуратно свернутую майку, подношу к лицу и вдыхаю.

– Что ты делаешь? – спрашивает внезапно появившаяся в дверном проеме Селин.

Я захлопываю дверь у нее перед лицом и возвращаюсь к вещам Лулу. Сувениры, включая механические часы вроде тех, что мы рассматривали на лотках у торговцев возле Сены, переходники, зарядные устройства, туалетные принадлежности, но ничего такого, что помогло бы мне ее найти. Потом я натыкаюсь на листок бумаги в пакете, беру его, полный надежд, но это оказывается просто какой-то список.

Под свитером лежит дневник. Я провожу пальцем по его обложке. Больше года назад в поезде на Варшаву у меня сперли рюкзак. Паспорт, деньги и записную книжку я взял с собой, поэтому ворам достался лишь плохенький рюкзак с кучей грязной одежды, старый фотик и дневник. Наверное, поняв, что продавать нечего, они все сразу же выбросили. Может, за фотик и получили двадцатку, но для меня он значил куда больше. Дневник был совсем бесценен; оставалось лишь молиться, что его выбросили. От мысли, что кто-то его прочтет,

¹² Боже мой! (фр.)

меня охватывал ужас. Это был единственный момент за последние два года, заставивший меня задуматься о возвращении домой. Но я этого не сделал. И когда покупал новые вещи, дневника среди них не было.

Что же обо мне скажет Лулу, если я прочту ее записи? Я пытаюсь представить, что она подумала бы обо мне, если бы прочтала все мои мрачные излияния по поводу Брама и Яэль, которые были в украденном дневнике. От мысли об этом меня охватывает не какая-нибудь неловкость, стыд или отвращение. Нет, другое, более спокойное и знакомое чувство. Нечто вроде облегчения.

Я открываю дневник Лулу и начинаю его листать, осознавая, что делать этого не следует. Но я ищу, как с ней связаться, хотя, возможно, и просто хочу узнать о ней побольше. Хочу вдохнуть ее аромат как-то еще.

Но не нахожу ничего. Ни одного имени, ни одного адреса: ни ее, ни кого-то из знакомых. В дневнике лишь несколько мутных записей, ни о чем не говорящих, не напоминающих о Лулу.

Я открываю последние страницы. Корешок еще плотный, он потрескивает. Сзади под обложкой я обнаруживаю стопку фотографий. Я ищу адреса, но они все пустые.

Я беру с полки ручку и начинаю записывать свое имя, номер телефона, адрес электронной почты, и на всякий случай еще и адрес Брудье на каждой открытке. Я оставляю свои координаты на Риме, Вене, Праге, Эдинбурге, Лондоне. И все не могу понять, зачем я это делаю. «Оставайся на связи». Это как путевая мантра. Все так говорят, но редко делают. Вы встречаетесь, расходитесь, иногда ваши пути снова пересекаются. Но, как правило, почти никогда.

На последней открытке Шекспир в Стратфорде-на-Эйвоне. Я предложил ей забить на «Гамлета» и прийти вместо этого на наше представление. Сказал, что вечер слишком хорош для трагедии. Думать надо было лучше, прежде чем такое заявлять.

Я переворачиваю Шекспира. «Прошу тебя», – начинаю я. И собираюсь добавить что-нибудь вроде: «Выходи на связь. Пожалуйста, дай мне все объяснить. Прошу тебя, скажи, кто ты такая». Но в щеке запульсировала боль, перед глазами снова поплыло, и меня наполнили усталость и тяжесть сожаления. Так что я заканчиваю фразу этим сожалением. «Прости меня», – пишу я.

Я кладу открытки обратно в пакет и засовываю в дневник. Закрываю чемодан на молнию и ставлю его в тот же угол. Закрываю за собой дверь.

Четыре

Когда я был в квартире Селин в прошлый раз, больше года назад, она швырнула мне в голову вазу с засохшими цветами. Я прожил у нее почти месяц и сказал, что мне пора ехать дальше. Тогда стояла не по сезону теплая погода, и я оставался на одном месте дольше обычного. Потом все же стало холодно, и моя клаустрофобия вернулась. Селин обвинила меня в том, что я хотел быть с ней лишь тогда, когда все безоблачно, и по части погоды она не сильно ошиблась, но я никогда не «был с ней», я не обещал, что останусь. Она кричала, сыпала проклятиями, потом в меня полетела ваза, но не попала и разбилась о выцветшую голубую стену. Я хотел помочь прибраться прежде, чем уйти, но она мне не разрешила.

Думаю, никто из нас не предполагал, что я появлюсь здесь вновь. Вряд ли хоть кто-то думал, что мы снова увидимся. Потом, несколько месяцев спустя, я наткнулся на нее в «Ля Руэль». Селин недавно устроилась сюда на работу, и, как казалось, была весьма рада меня видеть. Всю ночь она бесплатно поила меня, а потом повела в свой кабинет показать список групп, выступления которых планировались на ближайшие месяцы. И я пошел, уверенный, что показать она мне хотела отнюдь не календарь, и, конечно же, как только мы вошли, она заперла дверь, даже не выключив компьютер.

Мы как будто договорились без слов, что больше я в ее квартире не появляюсь. Но тогда мне было, где остановиться, да и уезжать я собирался уже следующим утром. После этого мы с ней виделись в каждую мою поездку в Париж. Только в клубе, в ее кабинете, за запертой дверью.

Поэтому нас обоих удивила моя теперешняя просьба остановиться у нее.

– Правда? Ты этого хочешь?

– Если ты не против. Можешь дать мне ключи, увидимся потом. Тебе же надо работать.

А завтра я уеду.

– Оставайся, сколько хочешь. Давай я пойду с тобой. Помогу.

Я рассеянно касаюсь часов, они все еще у меня на запястье.

– Не обязательно. Мне просто нужно отлежаться.

Селин замечает часы.

– Это ее? – спрашивает она.

Я провожу пальцем по треснувшему стеклу.

– Ты оставишь их себе? – спрашивает она недовольным тоном.

Я киваю. Селин пытается со мной спорить, но я скидываю руку, останавливая ее. Я едва держусь на ногах. Но часы я не отдам.

Селин закатывает глаза, но все-таки выключает компьютер и помогает мне подняться по лестнице. Она кричит, сообщая Моду, который уже роется за барной стойкой, что отведет меня к себе домой на ночь.

– А что с твоей подругой? – спрашивает Моду, выныривая.

Я поворачиваюсь к нему. В баре темно, Селин обнимает меня, чтобы я не рухнул. Я его едва вижу.

«Извинись перед ней за меня. Скажи, что ее чемодан в кладовой. Если она вернется. Скажи ей об этом», – я хочу попросить его передать, что надо посмотреть на открытки, но Селин уже выталкивает меня за дверь. Я ждал, что на улице уже ночь, но нет, еще светло. Такие дни растягиваются на годы. А те, которые ты хотел бы продлить, улетают за считанные – раз, два, три – секунды.

* * *

Там, где ваза ударилась о стену, до сих пор остался след от воды. На своих местах – и стопки книг, журналов, дисков, и грозящие рухнуть башни из виниловых пластинок. Венецианские окна, которые она никогда не занавешивает, даже по ночам, распахнуты, и сквозь них льется этот бесконечный день.

Селин наливает мне стакан воды, и я, наконец, принимаю обезболивающее, которое мне дал доктор Робине перед моим уходом. Он посоветовал выпить таблетки до того, как появится боль, и принимать непрерывно, пока она не утихнет. Но я побоялся делать это раньше, опасаясь, что из-за них утрачу последние крохи разума.

Согласно инструкции, надо принимать по таблетке каждые шесть часов. Я глотаю три.

– Подними руки, – говорит Селин. То же самое было и вчера, когда она заставила меня переодеваться, и нас за этим застала Лулу. Мне показалось милым, что она попыталась скрыть свою ревность. А потом ее поцеловал Моду, и мне самому пришлось делать то же самое.

Мне не удастся поднять руки над головой, так что Селин помогает мне стянуть больничную рубашку. Потом долго смотрит мне на грудь. Качает головой.

– Что?

Она цокает языком.

– Не стоило ей бросать тебя в таком виде.

Я пытаюсь объяснить, что она меня не оставляла, что она не знала. Но Селин машет рукой.

– Неважно. Теперь ты здесь. Сходи в ванную и отмойся. А я чего-нибудь приготовлю.

– Ты?

– Не смейся. Я могу сделать яйца. Или бульон.

– Не утруждайся. У меня нет аппетита.

– Тогда набери тебе ванну.

Селин включает воду. Я слышу, как она течет, и думаю про дождь, который кончился. Чувствуется, что таблетки подействовали; сон начал опутывать меня и тянуть вниз. Кровать Селин похожа на трон, я падаю на нее, вспоминая утренний сон про самолет, непохожий на привычные кошмары. И прямо перед тем, как я отключился, в голове вспыхивает одна из моих реплик, то есть Себастьяна из «Двенадцатой ночи»: «И если сплю, пусть вечно длится сон!»

* * *

Поначалу мне кажется, что это снова сон. Не про самолет, а другой, хороший. Меня по спине гладит рука, опускаясь ниже и ниже. Она держала ладонь на моем сердце. Все утро, пока мы спали на жестком полу. Сейчас рука щекочет в районе талии, а потом опускается. Меня били, но не сломали, как сказал врач. Во сне ко мне возвращается сила.

Моя рука находит ее теплое тело, столь нежное, столь влекущее. Ладонь скользит у нее между ног. Она стонет.

– Je savais que tu reviendrais.¹³

И снова возвращается кошмар. Я не там. Не с тем человеком. Не на том самолете. Я подсакиваю и отталкиваю ее с такой силой, что она падает на пол.

¹³ Я знала, что ты вернешься (*фр.*).

– Что ты делаешь? – кричу я на Селин.

Она поднимается, бесстыдно голая в свете уличных фонарей.

– Вообще-то, ты в моей постели.

– Ты должна обо мне заботиться, – говорю я. И звучит это особенно жалко, ведь мы оба понимаем, что я этого не хочу.

– Мне казалось, что именно этим я и занимаюсь. – Она пытается улыбнуться. Потом садится на край кровати и похлопывает возле себя рукой. – Тебе ничего и делать не придется, просто ложись и расслабляйся.

На мне ничего, кроме трусов, нет. Когда это я снял джинсы? Я замечаю их на полу, аккуратно свернутые, вместе с больничной рубашкой. Я протягиваю за ней руку. Мышцы недовольны. Я встаю. Они просто воют.

– Ты что делаешь? – спрашивает Селин.

– Ухожу, – говорю я, пытаясь от напряжения. Я не совсем уверен, что у меня хватит сил уйти, но оставаться тут я не могу.

– Сейчас? Уже поздно. – Она как будто мне не верит. Пока я не засовываю ногу в штаны. На это уходит ужасно много времени, так что до Селин успевает дойти, что я и в самом деле ухожу. Я понимаю, что сейчас будет: то же самое, что и в прошлый раз, как будто на замедленном повторе. Изрыгается поток французских ругательств. Что я мерзавец. Ее унизил.

– Я предложила тебе свою постель, саму себя, а ты меня оттолкнул. В буквальном смысле слова. – Она смеется не потому, что ей весело, а потому, что для нее такое непостижимо.

– Извини.

– Но ведь ты пришел ко мне. Вчера. Сегодня. Ты всегда ко мне возвращаешься.

– Нам больше нигде было оставить чемодан. Я сделал это ради Лулу.

Лицо у нее сейчас не такое, как в тот раз, когда она швырнула в меня вазу в ответ на мои слова, что мне пора отправляться в путь. Тогда Селин была в ярости. Сейчас – это только начало ее гнева, дикого и кровожадного. Зря я решил идти к ней. Можно было и другое место для чемодана найти.

– Ради нее? – вопит Селин. – Какой-то девчонки? Нет в ней ничего особенного! Ты теперь на себя посмотри! И она тебя такого бросила. Уиллем, ты ко мне всегда прибегаешь. Это кое-что да значит.

А я и не думал, что Селин из тех, кто ждет.

– Мне не следовало сюда приходить. Это больше не повторится, – обещаю я. Собираю свои оставшиеся вещи и, хромя, выметаюсь из ее квартиры, спускаюсь по лестнице. Я на улице.

Мимо проносится полицейская машина, мигалка светится. Наконец стемнело, и сирена воет: мее-мее, мее-мее.

Париж.

Я не дома.

Мне надо домой.

Пять Сентябрь Амстердам

Офис Марйолейн находится в узком доме возле канала недалеко от Брауасграхт, внутри все белое и современное. Дизайн разрабатывал Брам, называя его одним из своих «проектов ради тщеславия». Он не отличался тщеславием; просто называл так работу, которую делает бесплатно.

Брам проектировал временные убежища для беженцев с уверенностью, что это дело полезное, хотя творчества в такой работе было немного. Так что он всегда искал возможности попрактиковать свое чутье в современном стиле – например, он переделал древнюю транспортную баржу в трехэтажный дворец из стекла, дерева и стали, который в одном дизайнерском журнале назвали «Баухаузом-на-Грахте».¹⁴

Сара, ассистентка Марйолейн, сидит за прозрачным столом, на котором стоит ваза с белыми розами. Увидев меня, она нервно улыбается и начинает медленно подниматься, чтобы взять мое пальто. Я наклоняюсь к ней и целую в щеку.

– Прошу прощения за опоздание.

– Уиллем, ты пришел на три недели позже, – говорит она, проводив меня в кабинет. Мой поцелуй она приняла, но в глаза не смотрит.

Я пытаюсь хитро улыбнуться; от этого рана на щеке начинает зудеть.

– Но ведь ожидание того стоило?

Сара не отвечает. Больше двух лет назад между нами проскочила искра. Я тогда много времени бывал в этом офисе, где она работала, помощница нашего семейного адвоката. Когда это случилось впервые, я был опьянен, Сара – женщина старше меня, с грустными глазами и синей кроватью. Долго это не продлилось. Такое никогда не длится.

– По факту, я опоздал лишь на несколько дней, – говорю я. – Это Марйолейн отложила встречу еще на две недели.

– Потому что у нее был отпуск, – отвечает Сара с неожиданным раздражением в голосе. – Она специально планировала уехать отдохнуть после того, как все будет закончено.

– Уиллем, – в дверях появляется крупная фигура Марйолейн. Она и сама по себе высокая женщина, а на шпильках, которые она носит всегда, кажется еще выше. Она приглашает меня в свой кабинет, пропитанный чувством современного стиля Брама. Неаккуратные стопки бумаг и папок – вклад Марйолейн.

– Значит, ты кинул меня из-за девчонки? – говорит она, закрывая за собой дверь.

Интересно, откуда она может это знать. Марйолейн смотрит на меня так, словно ей весело.

– Знаешь, я же перезванивала.

Когда мы ехали из Лондона в Париж, я попытался отправить Марйолейн сообщение о том, что опоздаю, но телефон не ловил сеть, да и батарейка была уже на последнем издыхании, а Лулу я по каким-то причинам говорить обо всем этом не хотел. Так что, заметив в кафе путешественницу из Бельгии, я попросил у нее телефон. А пока я рылся в рюкзаке в поисках записной книжки с номером Марйолейн, я облил кофе и себя, и эту бельгийку.

– Судя по голосу, симпатичная, – говорит Марйолейн с улыбкой, одновременно озорной и недовольной.

¹⁴ Ироническое название, «Баухауз» – это немецкая школа строительства и художественного конструирования, а «грахт» – одна из разновидностей каналов в Голландии.

– Да, – соглашаюсь я.

– Девчонки все такие, – отвечает она. – Ну, иди же, поцелуй меня. – Я шагаю к ней, подставляя Марйолейн щеку, но сам ее поцеловать не успеваю, она меня останавливает. – Что у тебя с лицом?

Поскольку мы отложили встречу, синяки, к счастью, успели пройти, швы тоже рассосались. К этому времени остался лишь толстый рубец, и я надеялся, что Марйолейн его не заметит.

Я молчу, она продолжает.

– Что, не с той спутался? Или разозлил ее парня? – Она показывает рукой в сторону приемной. – Кстати говоря, Сара сейчас встречается с приятным итальянцем, так что не лезь. Когда ты уехал в последний раз, она несколько месяцев хандрила, мне едва не пришлось ее уволить.

Я скидываю руки, делая вид, что ни в чем не виноват.

Марйолейн закатывает глаза.

– Это правда из-за какой-то девчонки? – Она указывает на щеку.

Если всю историю сократить настолько, то действительно становится похоже на правду.

– Велосипед. Пиво. Опасное сочетание, – я весело изображаю, как рухнул с велика.

– О боже. Тебя так долго не было, что ты забыл, как кататься на велике пьяным? – спрашивает она. – И ты все еще продолжаешь считать себя голландцем? Вовремя мы тебя вернули.

– Похоже на то.

– Садись. Давай принесу тебе кофе. Еще я тут где-то превосходный шоколад припрятала. А потом тогда подпишем бумаги.

Она вызывает Сару; та приносит две чашечки с кофе. Марйолейн роется в ящиках и достает коробку с твердыми конфетами. Я кладу одну в рот и жду, когда она растает на языке.

Марйолейн начинает объяснять, что именно мне предстоит подписывать, хотя в этом нет никакой необходимости, поскольку моя подпись является лишь бюрократической формальностью. Яэль так и не приняла голландское гражданство, а Брам, который всегда говорил, что «Бог проявляет себя в мелочах» по поводу тщательности своей работы, в личных делах придерживался противоположной позиции.

В итоге мое присутствие необходимо для завершения сделки продажи и оформления различных доверенностей. Марйолейн болтает без умолку, а я подписываю, подписываю, подписываю. Видимо, тот факт, что Яэль не голландка и не живет больше ни здесь, ни в Израиле, а порхает туда-сюда, как беглянка, не имеющая подданства, дает ей какие-то налоговые преимущества. По словам Марйолейн, она продала хаусбот¹⁵ за семьсот семнадцать тысяч евро. Приличную долю придется отдать государству, но нам достается куда больше. К концу завтрашнего рабочего дня на мой банковский счет поступит сто тысяч евро.

Я подписываю, а Марйолейн смотрит на меня.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Я просто уже забыла, как сильно ты на него похож.

Моя рука повисает над очередным юридическим документом. Брам всегда говорил, что хоть Яэль и самая сильная женщина на свете, по какой-то причине его скромные гены сразили ее темные израильские войска.

– Извини, – говорит Марйолейн, возвращаясь к делу. – Где ты живешь после того, как вернулся? У Даниэля?

¹⁵ Плавающий дом, судно, которое может быть спроектировано как жилой дом.

Она про дядю? Я не видел его после похорон, да и до того лишь несколько раз. Он сам где-то за границей, а свою квартиру сдает. С чего бы мне там жить?

Нет, я хоть и вернулся, но по ощущениям я еще в режиме путешественника. Я завис в районе вокзала, в недорогих хостелах неподалеку от вымирающей улицы Красных фонарей. Отчасти это было вызвано необходимостью. Я не знал, хватит ли мне денег на эти несколько недель, но по каким-то причинам средства на счету так и не кончились. Я мог бы остановиться у старых друзей семьи, но я не хочу, чтобы кто-то знал о моем возвращении; не желаю видеть старые места. К Нью-принсинграхт¹⁶ я и близко не подходил.

– У друга, – расплывчато отвечаю я.

Марйолейн трактует это по-своему.

– А у подружки. Ясно.

Я несколько виновато улыбаюсь. Позволить людям делать собственные необоснованные выводы иногда проще, чем объяснять непростую правду.

– Убедись уж, что у нее нет другого, которому это может не понравиться.

– Постараюсь, – отвечаю я.

Бумаги заканчиваются.

– Ну, вот и все, – говорит она, открывает ящик стола и достает желтый конверт. – Вот почта. Я распорядилась, чтобы все, что придет на адрес баржи, отправляли сюда, пока ты не представишь мне новый адрес.

– Не факт, что это произойдет в ближайшее время.

– Ничего страшного. Я-то никуда не денусь, – Марйолейн достает из шкафа бутылку виски и две рюмки. – Ты только что стал человеком состоятельным. Достойный повод выпить.

Брам всегда шутил, что каждый раз, как стрелка переходит двенадцатичасовой рубеж, у Марйолейн находится повод выпить. Я беру рюмку.

– За что поднимаем тост? – спрашивает она. – За новые свершения? За новое будущее? Я качаю головой.

– Давай за происшествия.

Марйолейн мое предложение шокирует, и я с опозданием понимаю, что прозвучало это так, будто я предложил выпить за то, что произошло с Брамом, хотя это нельзя даже назвать несчастным случаем, скорее, идиотским стечением обстоятельств.

Я имел в виду не это. Я подразумевал то случайное событие, после которого образовалась наша семья. Марйолейн наверняка слышала. Брам обожал рассказывать эту историю. Это был наш семейный миф, сказка о появлении нашей семьи, колыбельная, три в одном.

Брам с Даниэлем ехали по Израилю на «Фиате», который то и дело ломался. И однажды это случилось неподалеку от приморского городка под названием Нетания, и пока Брам пытался его починить, к ним подошла солдатка с винтовкой через плечо и сигареткой во рту. «Страшно было, вы и представить себе не можете», – говорил Брам. Эти воспоминания вызывали у него улыбку.

Яэль. Она добиралась автостопом на армейскую базу в Галилее после выходных, проведенных в Нетании у подружки, или, может, у парня, но точно не в квартире Сабы, где она выросла. Они сами направлялись в Цфат, и после того, как она починила им шланг радиатора, решили ее подвезти. Брам даже галантно предложил ей сесть на переднее сиденье (ведь это она отремонтировала машину), но увидев, как на заднем сиденье мало места, Яэль сказала, что там должен сесть тот, кто ниже всех. Она уверяет, что говорила про себя, и что не знала, кто из братьев выше, поскольку Даниэль все это время сидел спереди на пассажирском сиденье.

¹⁶ Канал, находящийся в Амстердаме.

Но Брам понял ее неправильно, и после нелепых измерений заключил, что он выше сантиметра на три, и Даниэлю пришлось сесть сзади.

Они отвезли ее на базу, и, прежде чем попрощаться, Брам дал ей свой адрес в Амстердаме.

Через полтора года Яэль закончила военную службу и, намереваясь убраться как можно подальше от всего, среди чего выросла, она взяла все свои скудные сбережения и отправилась автостопом на север. На эти деньги она продержалась четыре месяца и успела добраться до Амстердама. И постучала в дверь. Брам открыл, и хотя он за все это время ее ни разу не видел и не знал, что она тут делает, да и это было не в его стиле, но, к собственному удивлению, он ее поцеловал. «Я как будто ждал ее все это время», – говорил он полным изумления голосом.

«Видишь, какая жизнь смешная штука, – так Брам обычно заканчивал эту легендарную любовную историю. – Если бы машина не сломалась именно там, если бы ей хватило денег доехать до Копенгагена, или если бы Даниэль был выше, ничего этого могло бы и не произойти».

Но я понимал истинный подтекст. Все случайно. Все происходит случайно.

Шесть

Два дня спустя у меня как по мановению волшебной палочки на счету появляется сто тысяч евро. Естественно, никакого волшебства тут нет. Я уже давно бросил экономить и успел понять, что во Вселенной существует такое же равновесие, как и на рынке. За все, что она дает, тебе приходится расплачиваться.

Я покупаю у какого-то наркомана обшарпанный велик, смену одежды на блошином рынке. Возможно, у меня теперь и есть деньги, но я привык жить просто, имея лишь то, что могу унести. К тому же я тут ненадолго, так что лучше не оставлять за собой слишком много следов.

Я хожу туда-сюда по Дамраку, глядя на окна туристических бюро, пытаюсь решить, куда отправиться дальше: Палау. Тонга. Бразилия. Вариантов у меня теперь много, поэтому выбрать что-то одно становится трудно. Может, отыскать дядю Даниэля в Бангкоке, или он сейчас на Бали?

Когда я смотрю на объявления, приклеенные на окно агентства, рассчитанного на студентов, меня замечает темноволосая девушка и машет рукой, приглашая.

– Что подыскиваете? – спрашивает она по-голландски с небольшим акцентом. Она откуда-то с востока Европы, может, румынка.

– Что-нибудь не здесь.

– А поконкретнее? – говорит она с легким смешком.

– Что-то теплое, недорогое и далеко, – такое место, где с сотней тысяч евро можно затеряться сколь угодно надолго, думаю я.

Девушка снова смеется.

– Под это описание примерно половина земного шара подходит. Надо сузить поиск. Хотите на пляж? В Микронезии есть просто потрясающие места. Таиланд пока еще довольно дешевый. Если интересует более резкая смена культуры – Индия очень колоритная.

Я качаю головой.

– Индии не надо.

– Новая Зеландия? Австралия? По Малави, что в Центральной Африке, народ просто с ума сходит. Про Панаму и Гондурас очень хорошо отзываются, хотя там был этот переворот. Вы надолго хотите улететь?

– Навсегда.

– Тогда можно купить кругосветное путешествие. У нас есть несколько специальных предложений. – Она стучит по клавиатуре. – Вот, например: Амстердам, Найроби, Дубай, Дели, Сингапур, Сидней, Лос-Анджелес, Амстердам.

– А без Дели есть?

– Да, в Индию вы, видимо, совсем не хотите.

Я улыбаюсь.

– Ладно. Какую часть света вам хотелось бы увидеть?

– Мне все равно. Подойдет любое место, главное, чтобы тепло, дешево и далеко. Но не Индия. Может, вы выберете за меня?

Девушка смеется, как будто это шутка. Но я говорю серьезно. С тех пор, как я вернулся, я погряз в какой-то неподвижности. В ожидании встречи с Марйолейн я целыми днями валялся в кроватях тоскливых хостелов. Шли дни, а я лежал и держался за треснувшие, но еще тикающие часы, задаваясь бесполезными вопросами об их хозяйке. От этого голова уже кругом идет. Так что пора выдвигаться в путь.

Девушка печатает.

– Вы должны мне помочь. Начнем с того, где вы уже были.

– Вот. – Я бросаю на стол потрепанный паспорт. – Тут моя история.

Она открывает.

– Ого. – Ее голос из дружелюбного становится игривым. Она перелистывает страницы. – Вы много путешествуете, да?

Я устал. Сейчас этот танец меня не интересует. Я лишь хочу взять билет на самолет и уйти. Надо только убраться отсюда, из Европы, и я снова стану собой.

Девушка пожимает плечами и продолжает листать паспорт.

– Ага. Знаете что? Я пока вам ничего не могу предложить.

– Почему?

– Вам паспорт скоро менять. – Девушка кладет его обратно на стол. – А удостоверение личности у вас есть?

– Его украли.

– Вы подали заявление?

Я качаю головой. В полицию во Франции я так и не пошел.

– Хотя, это не важно. Для посещения практически всех стран нужен паспорт. Так что просто получите новый.

– А это долго?

– Не очень. Несколько недель. Подайте документы в муниципалитете. – Она спешно перечисляет, какие понадобятся бумаги, но у меня ничего из этого при себе нет.

Вдруг я чувствую, что застрял, и не совсем понял, как это вышло. Мне удавалось избегать Голландии целых два года! На что я только не шел, чтобы не попасть на этот клочок земли, небольшой, но зато расположенный прямо по центру – например, я уговорил диктаторшу Тор, режиссера «Партизана Уилла», выступить в Стокгольме вместо Амстердама, состряпав левую байку о том, будто шведы – самые большие любители Шекспира в Европе, если не считать Британии!

Но прошлой весной Марйолейн наконец разобралась в путаных документах на недвижимость, принадлежавшую Брамму, и баржа перешла во владение Яэль. Она тут же выставила дом, который он для нее построил, на продажу. Мне к тому моменту нечему уже было удивляться.

Но все же попросить меня приехать и подписать бумаги? Вот это нервы надо иметь. Хуцпэ,¹⁷ как сказал бы Саба. Как я понял, Яэль сделала это из практических соображений. Я мог доехать на поезде, а ей надо было лететь на самолете. У меня на это уйдет всего лишь несколько дней, не особое затруднение.

Но я на день задержался. И это каким-то образом все перевернуло.

¹⁷ Удивительное нахальство (*идиши*).

Семь Октябрь Утрехт

До меня доходит, хоть и поздно, что сначала следовало позвонить. Может, еще в прошлом месяце, как только вернулся. Или хотя бы заранее, до того как пришел. Но я этого не сделал. Теперь уже слишком поздно. Я уже тут. С надеждой, что все пройдет как можно безболезненнее.

В доме на Блумштрат кто-то заменил старый звонок на глазное яблоко, которое с упреком пялится на тебя и навевает дурные мысли. Наша переписка никогда не отличалась регулярностью, и в последнее время сошла на нет. Я даже вспомнить не могу, когда последний раз писал ему письмо или эсэмэску. Три месяца назад? Или полгода? Я понимаю, тоже поздно, что, возможно, он вообще тут больше не живет.

Каким-то образом я знаю, что нет, он еще тут. Брудье не уехал бы, не сообщив мне. Он бы так не поступил.

Мы познакомились, когда нам было по восемь лет. Я заметил, что он рассматривает наш хаусбот¹⁸ в бинокль. Когда я спросил, что он делает, Брудье объяснил, что не за нами шпионит. За последнее время в нашем районе произошло несколько взломов, его родители начали строить планы переехать из Амстердама в место побезопаснее. Он хотел остаться в этой квартире, поэтому ему нужно было найти преступников. «Но это же серьезное дело», – сказал я. «Да, – согласился он. – Но у меня вот что есть». Он достал из велосипедной корзины остальное шпионское оборудование: дешифратор, наушники для прослушивания, очки ночного видения – Брудье дал мне в них посмотреть. «Если тебе нужна помощь, могу стать твоим партнером», – предложил я. В нашем районе, на восточной каемке центра Амстердама, детей проживало немного. В соседних хаусботах на Нью-принсинграхт вообще никого, к тому же я был единственным ребенком в семье. Я развлекался тем, что колотил мячом по стене нашего дома; почти все они вскоре исчезали в грязных водах канала.

Брудье согласился принять мою помощь, так мы подружились. Часами мы изучали район, фотографировали подозрительных людей и машины, пытались раскрыть преступление. До тех пор пока нас не увидел старик, который подумал, что мы работаем на бандитов, и вызвал полицию. Они застали нас, сидящих на корточках, возле соседского пирса, мы разглядывали в бинокль один подозрительный фургон, который появлялся тут регулярно (как мы потом выяснили, он принадлежал хозяину пекарни за углом). Нас стали допрашивать, мы оба разревелись, думая, что нас посадят в тюрьму. Запинаясь, мы все объяснили и поделились своей стратегией по раскрытию преступления. Полицейские слушали, изо всех сил стараясь не ржать, а потом отвели нас по домам и поговорили с родителями Брудье. Перед уходом один из детективов дал нам по визитке и сказал звонить, если что заметим.

Я свою карточку выбросил, а Брудье оставил и хранил ее несколько лет. Когда нам было по двенадцать, я заметил ее на доске с записями в его спальне в пригородном доме, куда они в итоге переехали. «Ты ее все еще хранишь?» – спросил я. Они переселились уже два года назад, и мы виделись не очень часто. Брудье посмотрел на карточку, потом на меня. «Вилли, ты что, не знаешь, я ничего не выбрасываю».

¹⁸ Плавучий дом.

* * *

Дверь открывает долговязый парень в кофте с эмблемой футбольной команды «Пи-Эс-Ви», намазанные гелем волосы стоят торчком. У меня сердце обрывается; раньше Брудье жил здесь с двумя девчонками, с обеими постоянно, хоть и безуспешно, пытался переспать, и тощим пацаном по имени Иво. Тут у этого парня вспыхивают глаза, он меня узнает, и я понимаю, что это Хенк, один из друзей Брудье из Утрехтского университета.

– Уиллем, ты ли это? – спрашивает он, и, не дав ответить, кричит: – Брудье, Уиллем вернулся.

Слышатся возня и скрип стертых половых досок, и вот появляется он, ниже меня на голову, но в полтора раза шире в плечах – мы с ним такие разные, что старик с соседнего хаусбота прозвал нас Макарониной и Тефтелей. Брудье эти прозвища очень нравились, ведь тефтеля куда вкуснее макарон!

– Уилли? – Брудье на миг замирает, но потом бросается на меня. – Уилли! А я уж думал, что ты помер!

– Я восстал из мертвых, – отвечаю я.

– Правда? – Глаза у него такие круглые и синие, что напоминают блестящие монетки. – Ты когда вернулся? Надолго? Есть хочешь? Жаль не предупредил, я бы что-нибудь приготовил. Но можем вместе сделать хороших *botgelharje*.¹⁹ Заходи. Хенк, посмотри-ка, Уилли вернулся.

– Вижу, – кивает Хенк.

– Вау! – кричит Брудье. – Уилли вернулся!

Я вхожу в коридор. Раньше тут был относительный порядок, кое-где стояли женские штучки вроде ароматизированных свечей – Брудье делал вид, что ему это не нравится, но зажигал их, даже когда никого из девчонок дома не было. Теперь тут воняет носками, спитым кофе, разлитым пивом, от девушек остался лишь косо вставленный в раму плакат с картиной Пикассо над камином.

– А с девчонками что случилось? – спрашиваю я.

Брудье ухмыляется.

– Да, Уилли в первую очередь интересуют девчонки, – со смехом говорит он. – Они в прошлом году переехали в собственную квартиру, а ко мне подселились Хенк с Вау. Иво тоже только что уехал проходить какой-то курс в Эстонии.

– В Латвии, – поправляет его Ваутер, сокращенно Вау, спускаясь по лестнице. Он выше меня, волосы у него короткие и тоже торчат, только сами собой, а кадык огромный, как дверная ручка.

– Ну, в Латвии, – соглашается Брудье.

– Что у тебя с лицом? – интересуется Вау. Особой галантностью он никогда не отличался.

Я трогаю шрам.

– С велика навернулся, – отвечаю я. Я уже врал Марйолейн, так что вылетает на автомате. Я не знаю, почему я это делаю, разве что для того, чтобы максимально отдалиться от того дня.

– Ты когда вернулся? – спрашивает Вау.

– Да, Уилли, – поддакивает Брудье, пыхтя и скребя лапой, как щенок. – Когда?

– Не очень давно, – говорю я, пытаюсь нащупать золотую середину между обидной правдой и слишком наглой ложью. – Надо было кое-какие дела в Амстердаме уладить.

¹⁹ Закуска (голл.).

– А я все гадал, где ты, – рассказывает Брудье, – я пытался позвонить тебе какое-то время назад, но там включается какая-то странная запись, а по мылу ты ни хрена не пишешь.

– Знаю. Я потерял телефон со всеми контактами, какой-то ирландец отдал мне свой вместе с симкой. Мне казалось, что я слал тебе сообщение с новым номером.

– Может, и было такое. Ну да ладно, проходи. Посмотрю, что есть из еды. – Он сворачивает прямо в кухню. Я слышу, как хлопают дверцы.

Через пять минут Брудье приносит поднос с едой и пивом на всех.

– Ну, рассказывай все. Про гламурную жизнь странствующего актера. Каждую ночь новая девочка?

– Брудье, бог ты мой, дай ему сначала хоть сесть, – говорит Хенк.

– Извини. Просто я живу его жизнью; когда он тут, это все равно, что иметь под рукой кинозвезду. А у меня последние несколько лет на личном фронте глухо.

– Ты имеешь в виду последние лет двадцать? – прикалывается Вау.

– Так, значит, ты уже какое-то время в Амстердаме? Как мама?

– Понятия не имею, – небрежно говорю я. – Она в Индии.

– Еще не вернулась? – спрашивает Брудье. – Или возвращалась, но улетела обратно?

– Не вернулась. Все время живет там.

– А. А я недавно был в том районе, в хаусботе горел свет, мебель расставлена, я думал, может, она здесь.

– Нет, мебель поставили, чтобы создать иллюзию, будто там кто-то живет, но это не так. По крайней мере, мы не живем, – говорю я, беру кусок *cervelaat*,²⁰ сворачиваю трубочкой и засовываю в рот. Он продан.

– Ты продал баржу Брама? – Брудье просто поверить в это не может.

– Мать продала, – уточняю я.

– Наверное, она ее за большое бабло спланила, – шутит Хенк.

Я замолкаю, почему-то язык не поворачивается сказать, что и мне перепало. Тут Вау начинает рассказывать, как недавно читал в «Де Фолксскрант»²¹ о том, что американцы сейчас отваливают большие деньги за старые хаусботы в Амстердаме, за швартовочные места, которые, оказывается, стоят не меньше.

– Ну нет, эту баржу надо видеть, – говорит Брудье. – Его отец архитектором работал, она такая красавица, три этажа, с балконами, все из стекла. – Его охватила ностальгия. – Как там ее называли в журнале?

– «Баухауз-на-Грахте», – к нам приходил фотограф и снимал хаусбот вместе с нами. Но в журнале опубликовали только кадры с самой баржей, лишь на одной стояли Брам с Яэль, обрамленные панорамным окном, а за спиной у них словно в зеркале отражались деревья и канал. На оригинальном снимке был и я, но меня вырезали. Брам сказал, что его взяли из-за окна с отражением; якобы эта фотография была призвана демонстрировать дизайн, а не нашу семью. Но я подумал, что и семья наша была передана довольно точно.

– Не могу поверить, что она ее продала, – сетует Брудье.

Временами я и сам не могу, а иногда это кажется вполне правдоподобным. Яэль из тех, кто отрежет себе руку, если это потребуется для того, чтобы сбежать. Она и раньше так делала.

Ребята смотрят на меня со странным состраданием на лицах, от которого я отвык за два года анонимной жизни.

– Так значит, сегодня Голландия – Турция... – начинаю я.

Все снова смотрят на меня, потом кивают.

²⁰ Сервелат (голл.).

²¹ Ежедневная амстердамская качественная газета. Выходит по утрам.

– Надеюсь, в этот раз у нас дела пойдут получше, – продолжаю я. – На Чемпионате Европы все было так печально, что я не знаю, больше мне такого не вынести. Шнайдер... – Я качаю головой.

Хенк первый заглатывает наживку.

– Ты что, шутишь? Шнайдер – единственный нормальный бомбардир!

– Нет! – перебивает Брудье. – Ван Перси такой красивый гол немцам забил.

Тут встречается Вау со своим математическим подходом и несет что-то насчет того, что подобный спад и паршивая игра в прошлом году гарантируют улучшение в этом, что падать уже некуда, остается только двигаться вверх, и я могу расслабиться. Это универсальный язык разговоров о пустяках. В пути говоришь о поездках, про какой-нибудь неизвестный остров, дешевый хостел, ресторан с хорошими ценами. В данной ситуации – о футболе.

– Вилли, пойдешь с нами смотреть? – спрашивает Брудье. – Мы собирались к «О'Лири».

В Утрехт я приехал не ради пустых бесед, футбола и даже не к друзьям. Я приехал за документами. Надо было зайти в колледж, забрать нужные для получения паспорта бумаги. После этого я опять пойду в турбюро, может, на этот раз приглашу ее куда-нибудь выпить и решу, куда ехать. Куплю билет. Может, съезжу в Гаагу за визами, сделаю прививки. На блошинный рынок за одеждой. Потом в аэропорт. Таможенники обыщут меня тщательно: одинокий мужчина с билетом в один конец всегда вызывает подозрения. Потом долгий перелет с разрывом в часовых поясах. Служба иммиграции. Таможня. И наконец, я ступлю на незнакомую землю, испытав подпитывающие друг друга приятное возбуждение и дезориентацию. В такой момент может произойти все, что угодно.

В Утрехте у меня лишь одно дело, но почему-то вдруг весь остальной список действий, необходимых для того, чтобы убраться отсюда, начинает казаться просто бесконечным. И что еще более удивительно, не вызывает никакого возбуждения. Мне даже не хочется ни в какое новое место, а именно эта цель оправдывала всю суету. Теперь все это кажется просто утомительным. Я не знаю, где мне взять сил, чтобы преодолеть все препоны и убраться отсюда.

А «О'Лири» – это прямо тут, за углом, даже дорогу переходить не придется. Это я могу осилить.

Восемь

Октябрь становится холодным и сырым, словно за лето мы израсходовали всю квоту ясных и жарких дней. В моей мансарде на Блумштрат особенно холодно, так что я начинаю сомневаться, не зря ли я решил тут поселиться. Хотя я особо ничего не решал. Когда я проснулся утром на диванчике внизу уже в третий раз подряд, так совершенно ничего и не сделав, Брудье предложил мне пожить в мансарде.

Не то чтобы это было заманчивое предложение, скорее, оно само свершилось по факту. Я все равно уже там жил. Иногда течение приносит тебя в совершенно неожиданные места; а иногда оно тебя уносит из этих мест.

* * *

В мансарде сквозит, окна дрожат на ветру. По утрам изо рта идет пар. Моей главной задачей теперь стало поддержание тепла. Когда я путешествовал, я зачастую днями сидел в библиотеках. Там можно набрать журналов или книг и переждать непогоду или от чего ты там еще бежишь.

Спастись оказалось возможным и в университетской библиотеке: такие же большие окна на солнечную сторону, удобные диваны, компьютеры с выходом в Интернет. Насчет последнего, правда, непонятно, благословение это или проклятье. Когда я путешествовал, замечал, что остальные просто помешаны на электронной почте. Я не такой. Ненавижу заходить в свой ящик. И так до сих пор.

Письма от Яэль приходят как по часам, раз в две недели. Думаю, у нее это в ежедневнике расписано, как и остальные дела. Но это лишь короткие сообщения ни о чем, отвечать на которые невозможно.

Вчера пришло очередное послание, разглагольствования о том, что ей надо бы сделать выходной и съездить в какую-то деревню на фестиваль паломников. Но она не рассказывает, от чего ей надо отдохнуть, не говорит, что у нее там за работа, чем она живет, все это как-то туманно и загадочно, лишь общие очертания, изредка дополняемые небрежными комментариями от Марйoleyн. Нет, письма Яэль больше напоминают открытки. Идеальный разговор ни о чем: мало слов, информации еще меньше.

«Ноi Ма»,²² – начинаю отвечать я. Потом плююсь на экран, думая, что написать. Я легко могу болтать на любую пустую тему, но когда дело касается матери, я теряюсь. Когда я путешествовал, было проще, потому что тоже можно было писать в открыточном стиле. «Я в Румынии, на Черном море, но сейчас не сезон и на курорте тихо. Часами наблюдаю за рыбаками». Хотя даже к таким коротким посланиям у меня в голове лепились дополнения. Например, о том, что одним ветреным утром я смотрел на этих рыбаков и вспомнил, как мы всей семьей ездили в Хорватию, мне тогда было десять лет. Или одиннадцать? Яэль спала допоздна, а мы с Брамом вставали пораньше и шли на причал, чтобы купить весь улов у одного пропахшего солью и водкой рыбака, который как раз в это время возвращался с моря. Но я следую ее примеру и вырезаю из своих посланий эти ностальгические элементы.

«Ноi Ма». Курсор мигает, словно упрекая, но я не могу двинуться с места, не могу придумать, что сказать. Я возвращаюсь во входящие, прокручиваю вниз, в прошлое. Передо мной последние несколько лет и периодические сообщения от Брудье, от людей, с которыми я встретился во время странствий – расплывчатые обещания снова пересечься в Танжере, Белфасте, Барселоне, Риге – такие планы редко воплощаются в жизнь. Перед ними

²² Привет, мам (гол.)

лавина писем от преподавателей с эконома, предупреждающих, что если я не предоставлю объяснений, достойных именоваться «особыми обстоятельствами», есть риск, что на следующий год меня уже не будут приглашать обратно (я не предоставил – они не пригласили). Еще раньше – письма с соболезнованиями, некоторые я даже не открыл, а перед ними – сообщения от Брама, в основном всякие глупости, которые он любил мне пересылать, например отзыв о ресторане, куда он хотел сходить, фотки с на редкость ужасными архитектурными сооружениями, приглашение помочь ему с ремонтом. Я отмотал уже на четыре года, вот письма от Сабы, который за два года после того, как открыл для себя Интернет, и до того, как начал болеть так тяжело, что сил на него не осталось, с удовольствием вкушал прелесть мгновенного общения, когда можно писать страницу за страницей и отправлять задаром.

Я возвращаюсь к начатому сообщению. «Ноi Ма, я вернулся в Утрехт, болтаюсь с Роберт-Яном и другими ребятами. Рассказывать особо не о чем. Каждый день поганый дождь; солнце не показывалось уже с неделю. Радуйся, что не видишь этого, ты же ненавидишь серость. До связи. Уиллем».

Открыточный язык, самый пустой из всех пустых разговоров.

Девять

Мы с ребятами идем в кино, с нами – новая подружка Вау. На какой-то новый триллер Яна де Бонте²³ в Культурный центр Луиса Хартлупера. Мне перестали нравиться его фильмы после... я уже даже забыл, после которого, но я оказался в меньшинстве, потому что у Вау девушка, а это дело серьезное, и если она хочет смотреть на взрывы, то и нам придется.

Там полно народу, из входных дверей льется целый поток. Мы с трудом пробираемся сквозь толпу к кассе. И тут я вижу ее: Лулу.

Не мою Лулу. А ту, в честь которой я ее назвал. Луизу Брукс. В фойе висит множество постеров, но этот я вижу впервые, он даже и не на стене, а стоит на держателе. Это кадр из «Ларца Пандоры», Лулу наполняет бокал, вызывая и с интересом вскинув брови.

– Она хорошенькая. – Я оборачиваюсь. У меня за спиной стоит Лин, подружка Вау, панкушка с матфака. Никто толком не понял, как у него это вышло, но, видимо, они полюбили друг друга на почве теории чисел.

– Да, – соглашаюсь я.

Я продолжаю разглядывать постер. Это реклама ретроспективы фильмов с Луизой Брукс. И сегодня как раз «Ларец Пандоры».

– Кто это такая? – спрашивает Лин.

«Луиза Брукс, – сказал мне в свое время Саба. – Посмотри в эти глаза, в них столько очарования, можешь не сомневаться, что за ним скрывается тоска». Мне тогда было тринадцать, а Саба, ненавидевший сырое амстердамское лето с переменчивой погодой, как раз открыл для себя кинотеатры с ретро. То лето как раз выдалось на редкость ужасным, так что он познакомил меня со всеми звездами немого кино: Чарли Чаплином, Бастером Китом, Рудольфом Валентино, Полой Негри, Гретой Гарбо и своей любимицей Луизой Брукс.

– Звезда немого кино, – отвечаю я Лин. – Сейчас ее фестиваль. К сожалению, этот фильм сегодня.

– Можно и на него сходить, – говорит она. Я не могу понять – с сарказмом или без; у нее такой же сухой голос, как и у Вау. Когда я подхожу к кассе за билетами, я вдруг прошу пять на «Ларец Пандоры».

Ребята поначалу ржут, думая, что я прикалываюсь, но я показываю на постер и объясняю про ретроспективу. После этого им становится уже не так весело.

– Там будет живой пианист, – говорю я.

– Думаешь, нам от этого лучше? – говорит Хенк.

– Нет, я на это ни за что не пойду, – добавляет Вау.

– Но если я хочу на это? – перебивает Лин.

Я благодарно смотрю на нее, она в ответ удивленно поднимает бровь, демонстрируя пирсинг. Вау молча сдается, а вслед за ним и остальные.

Мы поднимаемся и занимаем места. В тишине слышны взрывы из соседнего зала, я замечаю тоскливый взгляд Хенка.

Гаснет свет, пианист начинает увертюру, появляется лицо Лулу размером во весь экран. Фильм черно-белый, низкого качества, слышится потрескивание, как на старой пластинке. Но Лулу не кажется старой. Она вне времени, она весело флиртует с мужчинами в ночных клубах, ее застают с любовником, она стреляет в мужа в день свадьбы.

Странно, я уже видел этот фильм, и не раз. Точно знаю, как все кончится, но напряжение все равно нарастает, в животе появляется чувство неприятной неопределенности. Надо

²³ Ян де Бонт (р. 1943) – голландский и американский оператор, режиссер и продюсер.

быть несколько наивным, или, может, глупым, чтобы, зная, как все будет дальше, все равно надеяться на другую концовку.

Я засуетился и решил убрать руки в карманы. Хотя я стараюсь сдерживаться, но мысли продолжают возвращаться к другой Лулу и той жаркой августовской ночи. Я бросил ей монетку, я делал так уже с кучей девчонок. Но в отличие от остальных – которые всегда возвращаются, ждут возле нашей импровизированной сцены, чтобы вернуть мою такую драгоценную монетку, а заодно и проверить, что на нее можно купить, – Лулу не пришла.

Это должно было послужить первым сигналом, что девушка может видеть меня насквозь. Но я тогда подумал лишь: «не быть». Ну и ладно. Мне все равно на следующий день предстояло сесть на утренний поезд, а после поездки ждал длинный мерзкий день, да и с чужими людьми я никогда не могу как следует выспаться.

Хотя я все равно спал плохо, утром встал рано и успел на еще более ранний поезд до Лондона. И в нем встретил ее. Когда я вошел в вагон-ресторан, я увидел ее уже третий раз за сутки, и меня встряхнуло. Вселенная как бы говорила мне: «Обрати внимание».

И я обратил. Я подошел, мы поболтали, но потом прибыли в Лондон, собираясь пойти каждый своей дорогой. К тому времени страх, все усиливавший хватку с тех самых пор, как Яэль попросила меня вернуться в Голландию и расписаться за продажу моего родного дома, уже сжимал меня в кулак. Наш с Лулу обмен шутками его каким-то образом ослабил, но я понимал, что как только сяду на поезд до Амстердама, страх опять станет сильнее, стиснет все мои внутренности, и я не смогу ни есть, ни чего другого, лишь нервно перекачивать монетку по костяшкам пальцев и думать о следующем – следующем поезде или самолете, на который сяду. О следующем отъезде.

Тут Лулу заговорила о том, что хотела бы увидеть Париж, а у меня остались деньги от летних выступлений, которые мне особо больше и не были нужны. И стоя на этом лондонском вокзале, я подумал, ну и ладно, может, именно это мне и суждено: я знал, что Вселенная больше всего любит равновесие, вот передо мной девчонка, которая хочет в Париж, и вот я, который хочет куда угодно, лишь бы не возвращаться в Амстердам. Как только я предложил ей отправиться туда вместе, баланс был восстановлен. Нутряной страх исчез. И в поезде, который вез нас в Париж, я почувствовал такой же голод, как и обычно.

Лулу на экране плачет. Я представляю себе, как моя Лулу просыпается на следующий день и видит, что меня нет, читает записку, в которой я обещал скоро вернуться, но так и не появился. Я уже который раз спрашиваю себя, как скоро она начнет думать обо мне плохо, если она уже так думала. Ведь когда мы ехали из Лондона в Париж, Лулу начала неудержимо хохотать, поскольку воображала, что я ее там бросил. Я отшутился; разумеется, тогда это было неправдой. Я такого не планировал. Но меня ее признание зацепило, став первым предупреждением, что она видит меня не таким, каким я хотел себя показать.

Фильм идет, а во мне все растет желание, тоска и раскаяние, множатся размышления насчет того дня. Во всем этом нет никакого смысла, но почему-то от этого понимания становится только хуже, и эти неприятные чувства подступают все ближе и ближе, до тех пор, пока от них уже никуда не скрыться. Я еще глубже засовываю руки в карманы и делаю дырку.

– Черт! – восклицаю я неожиданно громко.

Лин смотрит на меня, но я делаю вид, что увлечен фильмом. Пианист играет крещендо, Лулу флиртует с Джеком-потрошителем и, одинокая и разбитая, приглашает его к себе. Она думает, что это любовь, но потом видит нож, ну а дальше вы знаете. Он сделает то, что и всегда. Не сомневаюсь, что она и обо мне так же думает, и, возможно, имеет на это право. Фильм оканчивается неистовой музыкой. А потом повисает тишина.

Парни с минуту сидят молча, а потом начинают говорить все одновременно.

– И все? Так он ее убил? – спрашивает Брудье.

– Это же был Джек-потрошитель с ножом, – отвечает Лин. – Не индейку же он ей рождественскую разделывал.

– Ну и ну. Одно скажу, скучно не было, – говорит Хенк. – Уиллем? Эй, Уиллем, ты с нами?

Я вздрагиваю.

– Да. Что?

Кажется, что все четверо смотрят на меня уже слишком долго.

– Ты в порядке? – наконец спрашивает Лин.

– Да. Все отлично! – с улыбкой отвечаю я. Она кажется такой неестественной, что шрам стягивает лицо, как аптечная резинка. – Пойдемте выпьем.

Мы спускаемся вниз и заходим в кафе, в котором полно народу. Я заказываю пиво на всех, а потом до кучи еще и jenever.²⁴ Ребята смотрят на меня странно, хотя я не пойму, просто из-за того, что я решил напиться, или потому, что я за все плачу. Они уже знают о моем наследстве, но думают, что я буду бережлив, как всегда.

Я выпиваю рюмку jenever, а потом берусь за пиво.

– Ого, – говорит Вау, двигая ко мне свою рюмку. – Я kopstoot²⁵ не буду.

Я глотаю и его порцию.

Друзья молча смотрят на меня.

– Ты точно в порядке? – с какой-то несвойственной ему нерешительностью интересуется Брудье.

– Естественно, почему бы и нет, – jenever делает свое дело, согревая меня изнутри и сжигая воспоминания, ожившие в темноте.

– У тебя умер отец. Мать уехала в Индию, – без какой-либо деликатности говорит Вау. – И дедушка тоже умер.

Возникает неловкая пауза.

– Спасибо, – говорю я. – А то я совсем забыл. – Я хотел пошутить, но звучит так, будто душа у меня горит, как и глотка от алкоголя.

– Не обращай на него внимания. – Лин нежно треплет Вау за ухо. – Он еще работает над проявлением таких человеческих чувств, как сострадание.

– Не нужно мне сострадание, – отвечаю я. – Все нормально.

– Просто ты какой-то не ты с тех пор, как... – Брудье смолкает.

– И много времени один проводишь, – выпаливает Хенк.

– Один? Я с вами.

– Вот именно, – говорит Брудье.

Снова молчание. Я не особо понимаю, в чем меня обвиняют. Тогда Лин поясняет.

– Насколько я понимаю, у тебя всегда были девчонки, а теперь ребята беспокоятся, потому что ты постоянно один. – Она смотрит на них. – Я правильно поняла?

– Ну, типа, как бы да, – бормочут они.

– Вы это обсуждали? – это должно бы звучать забавно, но не звучит.

– Мы думаем, что ты в депрессии, потому что перестал трахаться, – говорит Вау. Лин лупит его. – Что? Нормальная физиология. Во время половой активности выделяется серотонин, а это улучшает самочувствие. Все просто и научно.

– Не удивляюсь, что я тебе так нравлюсь, – шутливо говорит Лин. – Со всей этой научной простотой.

²⁴ Жenever – голландская можжевелевая водка.

²⁵ Копстут – коктейль из крепкого алкоголя и пива.

– Так, значит, я в депрессии? – Я стараюсь делать вид, будто мне смешно, но голосом управлять трудно, и в нем звучит что-то еще. Теперь на меня никто, кроме Лин, не смотрит. – Вот что вы думаете? – Я все еще пытаюсь отшутиться. – Что у меня яйца ноют?

– У тебя не яйца ноют, – спокойно отвечает она, – а сердце.

Пауза, потом ребята начинают хохотать.

– Извини, *schatje*,²⁶ – говорит Вау, – но это ему несвойственно. Ты просто его еще не знаешь. Дело, скорее, в серотонине.

– Я знаю, что я знаю, – возражает Лин.

Они начинают спорить из-за этого, а я опять хочу отправиться в путь, где меня никто не знает, где у меня нет ни прошлого, ни будущего, а только один момент в настоящем. А если настоящий момент стал слишком назойливым и некомфортным, всегда можно сесть в поезд, который доставит в следующий момент.

– Не важно, с чем у него там проблемы, с яйцами или с сердцем, лечение все равно одно, – говорит Брудье.

– Какое же? – спрашивает Лин.

– Трахаться, – в один голос восклицают Брудье с Хенком.

Это уже чересчур.

– Пойду отолью, – говорю я, поднимаясь.

Я захожу в туалет и умываюсь. Потом смотрю в зеркало. Шрам еще красный, яростный, словно я его ковырял.

В коридоре снова полно народу, только что закончился очередной фильм, не Бонт, а какая-то елейная британская романтическая комедия, из тех, где через два часа уже любовь навек.

– Уиллем де Рюйтер, не иначе.

Я оборачиваюсь и вижу влажные от поддельных чувств глаза Аны Лусии Аурелиано.

Я останавливаюсь и жду, когда она подойдет. Мы целуемся. Она машет своим друзьям, которых я тоже знаю по колледжу, чтобы шли без нее.

– Ты мне даже не позвонил, – говорит она, дуя губки, словно обиженная маленькая девочка – ей это выражение всегда придает очарования, впрочем, как и любое другое.

– У меня номера не было, – отвечаю я. У меня нет никаких причин стараться ей угодить, но это уже как рефлекс.

– Я же тебе его дала. В Париже.

Париж. Лулу. Чувства, возникшие во время фильма, снова возвращаются, а я защищаюсь. Париж был фикцией. Точно такой же, как и романтическое кино, которое только что посмотрела Ана Лусиа.

Она подается ко мне. От нее приятно пахнет, как будто корицей, дымом и духами.

– Может, снова дашь, – говорю я, доставая мобильник. – Тогда я смогу позвонить.

– К чему это, – говорит она.

Я пожимаю плечами. Я слышал, что когда между нами в прошлый раз все закончилось, Ана Лусиа была весьма недовольна. Я убираю телефон.

Но тут она хватает меня за руку. У меня она холодная. У нее горячая.

– Я имею в виду, зачем звонить потом, если я вот, прямо тут и сейчас?

Да. Она тут. И я тоже.

Лечение одно, слышу я голос Брудье.

Может, так оно и есть.

²⁶ Милая (голл.).

Десять Ноябрь Утрехт

Комната Аны Лусии похожа на кокон, пуховые одеяла, обогреватели работают на полную мощность, нескончаемый густой горячий шоколад. Первые дни я просто рад быть здесь, с ней.

– Ты предполагал, что мы когда-нибудь снова будем вместе? – воркует она, прижимаясь ко мне, словно крошечный теплый котенок.

– Гм, – правильного ответа на этот вопрос просто не существует. Я никогда ничего подобного не предполагал, потому что изначально не считал, что мы «вместе». Той туманной весной, когда умер Брам, у нас с Аной Лусией закрутилась интрижка на три, максимум четыре недели, когда я всем на удивление затормозил в обучении, зато также на удивление преуспевал по части женщин. Правда, преуспевал – не совсем верное слово. Оно подразумевает какие-то усилия, а тут мне их впервые в жизни прикладывать не пришлось.

– А я знала, – говорит она, нежно кусая меня за ухо. – Я о тебе за эти годы так часто вспоминала. А потом эта внезапная встреча в Париже, и я поняла, что это что-то означает, что это, типа, судьба.

– Гм, – повторяю я. Я помню, как мы столкнулись в Париже, и мне тоже показалось, что это что-то значит, но точно не судьба. Скорее словно старая жизнь попыталась зажать меня в тиски на день раньше, чем я ожидал.

– Но ты мне не позвонил, – напоминает Ана Лусиа.

– Ой, ну. Были другие дела.

– Я уж не сомневаюсь, что были другие. – Она запускает руку мне между ног. – Я видела, что ты был с девочкой. В Париже. Она была симпатичная.

Сказано это как бы невзначай, даже с пренебрежением, но внутри что-то колет. Как будто предупреждая. Рука Аны Лусии все еще лежит у меня между ног, и это производит ровно тот эффект, на который она рассчитывала, но теперь где-то в этой комнате как будто бы появилась и Лулу. И как и в тот день в Париже, когда мы, гуляя по Латинскому кварталу, наткнулись на Ану Лусию с ее сестрами, мне хочется, чтобы они не приближались друг к другу.

– Симпатичная, но ты – красавица, – говорю я, чтобы сменить тему. Это, с одной стороны, правда, а с другой, эти слова пустые. Может, формально, Ана Лусиа и симпатичнее Лулу, но подобная конкуренция редко разрешается на основании этих формальностей.

Она сжимает меня сильнее.

– Как ее звали?

Я не хочу произносить ее имя. Но Ана Лусиа крепко за меня взялась, если я не скажу, это вызовет подозрения.

– Лулу, – говорю я в подушку. Это ведь даже ненастоящее ее имя, но все равно кажется, будто я ее предаю.

– Лулу, – повторяет Ана Лусиа. Отпускает меня и садится. – Француженка. Вы с ней встречались?

В окно пробивается утренний свет, бледный, серый, он придает всему, что вокруг, легкий зеленоватый оттенок. И почему-то в этом сером рассвете воспоминание о Лулу в той белой комнате начинает просто светиться.

– Нет, конечно же.

– Значит, просто очередная интрижка? – Ана Лусиа отвечает смехом на свой собственный вопрос, и меня это ее понимание раздражает.

После всего, что случилось той ночью в сквоте, Лулу провела пальцем по запястью, и я сделал то же самое. Мы как бы показывали на пятно, на такое, которое остается навсегда, даже если ты против. Это что-то значило, по крайней мере, в тот момент.

– Ты же меня знаешь, – небрежно говорю я.

Ана Лусиа снова смеется, – это гортанный, густой и снисходительный смех. Она садится на меня сверху, словно наездница.

– Знаю, – говорит она, сверкая глазами, и проводит пальцем по моей груди. – Я теперь знаю, через что ты прошел. Раньше я этого не понимала. Но я повзрослела. Ты тоже повзрослел. Думаю, теперь мы стали новыми людьми с новыми потребностями.

– Мои потребности не изменились, – говорю я. – Они у меня абсолютно те же. Самые базовые. – Я резко тяну ее к себе. Я все еще сержусь, но напоминание о Лулу меня взбудоражило. Я провожу пальцем по кружевам, обрамляющим лифчик Аны Лусии. Засовываю палец под бретельку.

На миг она закрывает глаза, я тоже. Ощушаю податливость кровати и след ее воцеленных поцелуев на своей шее.

– Dime que me quieres, – шепчет она. – Dime que me necesitas.²⁷

Я не делаю этого, потому что она говорит по-испански, не зная, что я ее понимаю. Я так и не открываю глаза, но даже в темноте я слышу голос, обещающий, что она станет моей девушкой из горной деревушки.

– Я о тебе позабочусь, – говорит Ана Лусиа, и, услышав слова Лулу из уст другой, я подсказываю.

Но голова Аны Лусии ныряет под одеяло, и я понимаю, что она имела в виду другую заботу. Это мне особо и не нужно. Но я не отказываюсь.

²⁷ Скажи, что любишь меня. Скажи, что я тебе нужна (*исп.*).

Одиннадцать

Через две недели уютной жизни в комнате Аны Лусии я возвращаюсь на Блумштрат. Тут тихо, и я после несмолкаемого гомона на кампусе, где все всё обо всех знают, этому рад.

Я иду на кухню и лезу в шкафчики. Ана Лусиа носила мне поесть из столовой или брала что-нибудь в ресторанах на вынос, расплачиваясь по отцовской кредитке. Теперь я хочу настоящей еды.

Тут почти ничего нет, лишь пара пачек пасты, немного лука и чеснока. Но в кладовой находится банка помидоров. Можно сделать соус. Я начинаю резать лук, и из глаз сразу же текут слезы. Как всегда. И у Яэль так же. Она почти никогда не готовила, но иногда начинала тосковать по родине, ставила еврейскую попсу и делала shakshouka.²⁸ Даже если я был в своей комнате наверху, глаза горели и меня тянуло на кухню. Брам, бывало, заставлял нас обоих красноглазых и смеялся, взъерошивал мне волосы, целовал Яэль и в шутку говорил, что это единственная возможность увидеть Яэль Шило в слезах.

Часа в четыре в замке поворачивается ключ. Я громко здороваюсь.

– Вилли, ты вернулся. И ты готовишь... – говорит Брудье, заворачивая в кухню. А потом резко сморкается. – Что случилось?

– Чего? – А потом я понимаю, что он про слезы. – Да это от лука, – объясняю я.

– А, – говорит он, – из-за лука. – Брудье берет деревянную ложку, опускает ее в соус, дует, пробует. Потом достает из ящика сушеные травы, перетирает их между пальцами и высыпает в соус. Несколько раз встряхивает солонкой и крутит мельницу с перцем. Убавляет огонь и накрывает крышкой. – А если не из-за лука...

– А из-за чего же?

Он шаркает ногой по полу.

– Да я беспокоился из-за тебя после того вечера, – говорит он. – Когда мы в кино ходили.

– А что такого? – спрашиваю я.

Он начинает что-то говорить, но останавливается.

– Да ничего. Значит, Ана Лусиа? Опять?

– Ага. Ана Лусиа. Опять, – добавить мне нечего, и я опять предпочитаю говорить ни о чем. – Она привет передает.

– Не сомневаюсь. – Брудье не верит в это ни на секунду.

– Есть хочешь?

– Хочу, – отвечает он, – но соус еще не готов.

Он уходит в свою комнату, что меня весьма удивляет. Отказываться от еды – не в его привычках, независимо от того, готова ли она. Я видел, как Брудье ел сырые котлеты для гамбургера. Соус кипит. Аромат заполняет весь дом, а он все не спускается. Тогда я сам поднимаюсь и стучу в его дверь.

– Еще не проголодался? – спрашиваю я.

– Я вечно голодный.

– Так спустишься? Я пасту сделаю.

Он качает головой.

– У тебя что, голодная забастовка? – в шутку интересуюсь я. – Как у Сарсака?²⁹

Брудье пожимает плечами.

– Может, я последую его примеру.

²⁸ Шакшука – блюдо из яиц, пожаренных в соусе из помидоров, острого перца, лука и приправ.

²⁹ Махмуд Сарсак (р. 1987) – палестинский футболист, объявивший голодную забастовку, когда без суда и следствия был посажен в тюрьму Израиля по подозрениям в принадлежности к террористической группировке.

– И чего будешь добиваться? Дело, наверное, важное, раз уж ты от еды отказываешься.

– Ты мне важен.

– Я?

Брудье резко крутится на стуле.

– Вилли, мы ведь раньше всем друг с другом делились?

– Разумеется.

– И всегда были добрыми друзьями? Даже когда я уехал, мы остались близки. Даже когда ты уехал и не выходил на связь, я думал, что мы друзья, а теперь ты вернулся, и этого уже нельзя сказать, да?

– Ты о чем?

– Вилли, где ты был?

– Где был? С Аной Лусией. Боже мой, ты же сам сказал, что мне нужен секс, чтобы обо всем забыть.

У него вспыхивают глаза.

– О чем, Вилли?

Я сажусь на кровать. О чем мне надо забыть? Вот это вопрос, и сейчас он встал передо мной в полный рост.

– О папе? – предполагает Брудье. – Нормально, что ты еще из-за него переживаешь. Прошло только три года. Я Варкена столько же не мог забыть, а он был лишь псом.

Смерть Брама меня подкосила. Правда. Но это было давно, после этого мне стало лучше, так что я не понимаю, почему мне снова так хреново сейчас. Может, потому, что я в Голландию вернулся. Может, остаться тут было ошибкой.

– Я не знаю, что со мной, – говорю я Брудье. Даже это признать – уже облегчение.

– Ну, уже что-то, – отвечает он.

Я действительно не могу объяснить, потому что это бред. Одна девчонка. Один день.

– Что-то, – соглашаюсь я.

Он молчит, но эта тишина кажется приглашением, а я даже не понимаю, почему держу все в секрете. И я начинаю рассказывать: как встретил Лулу в Страдфорте. Как снова увидел ее в поезде. Как мы флиртовали, про весь хакелслах.³⁰ Как я назвал ее Лулу, о том, что это имя подходит ей настолько, что я даже забыл, что оно ненастоящее.

Я рассказываю основные события того дня, и в воспоминаниях он кажется просто идеальным, настолько, что я иногда начинаю предполагать, что все выдумал: Лулу идет в Виллет по набережной и размахивает стодолларовой бумажкой, подкупает Жака, чтобы он прокатил нас по каналу. Потом нас чуть не арестовали за езду на одном велике, но когда жандарм спросил меня, почему я сделал такую глупость, я процитировал ему строчку из Шекспира про колдунью, он ее узнал и отпустил нас, так что мы отделались всего лишь выговором. Потом Лулу вслепую выбрала станцию метро, в итоге мы оказались на Барбеса-Рошешуара, и казалось, что Лулу, уверявшей, что путешествия не доставляют ей удовольствия, весьма понравилась такая непредсказуемость. Про скинов я тоже рассказываю. О том, что я на автомате попытался их остановить, когда они полезли к арабским девчонкам в платках. Я ведь не задумался о том, что могут сделать со мной, и как только до меня начало доходить, что я, похоже, влип, появилась Лулу и швырнула в одного из них книгой.

Но даже по ходу дела я не уверен, что достаточно хорошо описываю. Тот день. Саму Лулу. Я же не все рассказываю, ведь есть такое, что я не умею объяснять. Например, когда она подкупила Жака, впечатление на меня произвела не щедрость. Я ведь не говорил ей, что вырос на барже, или что на следующий день должен был расписаться в ее продаже. Но она как будто бы знала. Откуда? И как мне это объяснить?

³⁰ Голландская выпечка с шоколадной крошкой.

Так что когда история подходит к концу, мне не ясно, понятно ли было из нее хоть что-нибудь. Но по какой-то причине мне все равно становится легче.

– Ну, – спрашиваю я у Брудье, – что теперь?

Брудье принимает. Весь дом пропитался ароматом соуса.

– Готово. Пойдем есть.

Двенадцать

– Я тут подумала, – начинает Ана Лусиа. На улице снег с дождем, а в ее комнате тепло, и мы устроили на кровати небольшой пир из тайской кухни.

– Такое вступление никогда не сулит ничего хорошего, – в шутку говорю я.

Она швыряет в меня пакетик с соусом для утки.

– Про Рождество. Я знаю, что ты его особо не празднуешь, но, может, поедешь со мной в следующем месяце в Швейцарию. Отметим в кругу семьи.

– Я и не знал, что у меня семья в Швейцарии. – Я продолжаю шутить и засовываю в рот спринг-ролл.

– С моей семьей, – говорит она, и взгляд ее становится неприятно пристальным. – Они хотят с тобой познакомиться.

Ана Лусиа – дочь обширного испанского клана, наследница судоходной компании, проданной китайцам до того, как кризис ударил по их экономике. У нее бесчисленное число родственников, братьев и сестер во всей Европе, Штатах, Мексике и Аргентине, и она обзванивает их всех по кругу каждый вечер.

– Ведь никогда не знаешь, как жизнь повернется. Возможно, однажды и ты станешь считать их своей семьей.

Мне хочется сказать, что у меня уже есть семья, но теперь это уже едва ли правда. Кто остался-то? Я да Яэль. Ну, и дядя Даниэль, но он почти не считается. Ролл встает поперек горла. Я запиваю его большим глотком пива.

– Там очень красиво, – добавляет она.

Брам однажды возил нас с Яэль в Италию кататься на лыжах. Мы с ней все время сидели в комнате и кутались, чтобы не мерзнуть. Он урок усвоил. На следующий год мы отдыхали на Тенерифе.

– В Швейцарии слишком холодно, – говорю я.

– А тут очень хорошо? – иронизирует она.

Мы с Аной Лусией вместе три недели. Рождество – через шесть. Даже не надо иметь мозги, как у Вау, чтобы решить эту задачу.

Я молчу, она опять начинает.

– Или, может, ты хочешь, чтобы я одна уехала, и чтобы тебя мог погреть кто-то еще? – Ее тон меняется резко, как я понимаю, полезли наружу подозрения, которые она все это время вынашивала.

* * *

На следующий день я опять ухожу на Блумштрат, там я застаю ребят за столом, заваленным бумагами. Брудье смотрит на меня с выражением виноватого пса, сперевшего обед.

– Прости, – сразу же говорит он.

– За что? – спрашиваю я.

– Я, кажется, рассказал им немного о нашем разговоре, – запинаясь, отвечает он.

– Но мы не удивились, – добавляет Вау. – После твоего возвращения видно было, что что-то не так. И я сразу понял, что шрам не из-за велика. Когда падаешь, такого не бывает.

– Я говорил, что на ветку дерева напоролся.

– Но тебя побили скины, – говорит Хенк. – Те самые, в которых накануне та девчонка бросила книжку.

– Думаю, он и сам знает, что с ним произошло, – напоминает Брудье.

Я же молчу.

– Мы считаем, что у тебя эта посттравматическая фигня, – продолжает Хенк. – От нее и депрессия.

– Значит, на версию про воздержание вы уже забили?

– Ну да, – подтверждает Хенк. – Потому что теперь-то секс у тебя есть, а депрессия не ушла.

– И ты думаешь, что все из-за этого, – говорю я, дотрагиваясь до шрама. – Не из-за девчонки? – Я смотрю на Вау. – Не допускаешь, что Лин могла быть права?

Все трое стараются сдержать смех.

– Что ржете? – Меня вдруг охватывает раздражение и желание обороняться.

– Сердце она тебе не разбила, – говорит Вау, – лишь статистику тебе подпортила.

– В каком это смысле? – спрашиваю я.

– Вилли, ну хватит. – Брудье начинает махать руками, пытаясь всех нас успокоить. – Я тебя знаю. Знаю, как у тебя всегда складывалось с девчонками. Ты влюбляешься, а потом чувства тают, как снег на солнце. Если бы ты провел с ней еще несколько недель, она бы тебе наскучила, как и все остальные. Но этого не произошло. Так что это все равно что она тебя бросила. Вот ты и сохнешь.

«Ты сравниваешь любовь с пятном?» – спросила Лулу. Поначалу она отнеслась к этому скептически.

«Оно не смывается, как бы ты ни хотел». Да, пятно – хорошая аналогия.

– Так, – говорит Вау и щелкает ручкой. – Давай начнем сначала, во всех подробностях, какие только вспомнишь.

– С начала чего?

– Этой твоей истории.

– Зачем?

Вау объясняет мне принцип взаимосвязанности, рассказывает о том, как полицейские ищут преступников по ассоциациям. Он вечно излагает подобные теории. Верит, что всю жизнь можно свести к математике, что ключевое число или алгоритм может описать любое событие, даже случайное (теория хаоса!). Через какое-то время я понимаю, что он хочет использовать этот принцип взаимосвязанности для того, чтобы найти ключ к загадке Лулу.

– Но опять же – зачем? Загадка раскрыта, – рывкаю я. – Я сохну из-за девчонки, которая убежала, потому что она убежала. – Я даже не знаю, почему я так раздражен – потому что считаю, что это правда или неправда.

Вау закатывает глаза, словно это вообще к делу не относится.

– Но ты же хочешь ее найти?

* * *

К вечеру Вау подготовил таблицы и графики, а на камине, под выцветшим постером Пикассо, повесил чистую доску.

– Принцип взаимосвязанности. Суть такова: мы ищем тех людей, которых можем найти, и выявляем, как они связаны с твоей таинственной незнакомкой, – говорит Вау. – В данном случае самая надежная зацепка – Селин. Возможно, Лулу возвращалась за чемоданом. – Он записывает имя Селин и обводит его.

Эта мысль часто меня посещала, и меня всякий раз охватывало искушение позвонить Селин. Но я вспоминал ту ночь, ее недовольный и уязвленный взгляд. В любом случае это не важно. Либо Лулу еще не возвращалась, и чемодан все еще в клубе, либо она каким-то образом его забрала, нашла мои послания и решила не отвечать. Так что если я что-то и узнаю, то это ничего не изменит.

– Селин даже не обсуждается, – говорю я.

– Но это самое сильное звено, – возражает Вау.

Я не рассказывал им о Селин и о том, что той ночью произошло у нее в квартире, как и о том, что я ей пообещал.

– Не обсуждается.

Вау театрально перечеркивает ее имя крестом. Потом снова рисует кружочек, в котором пишет: «баржа».

– И что? – спрашиваю я.

– Она заполняла какие-нибудь бумаги? – говорит Вау. – Расплачивалась карточкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.